

М. П. АЛЕКСЕЕВ

Англо-саксонская параллель к Поучению
Владимира Мономаха

1

С тех пор, как в 1864 г. А. А. Куник впервые в русской исторно-графии поднял вопрос «о значении, какое могут иметь для варяжского вопроса памятники англо-саксонской литературы»,¹ было уже сделано несколько попыток воспользоваться представляемыми ею данными для объяснения темных сторон древне-русского быта, права и письменности. Сам Куник сопоставил предание русской начальной летописи о призвании варягов с англо-саксонским сказанием о призвании саксов в Британию, занесенным в хронику Видукинда Корвейского (под 967 г.) и на основании этого сходства, доходящего даже до текстуальной близости, пришел к заключению, что англо-саксонское сказание служило основой для русского. Заканчивая свою статью вопросом о тех путях, какими «северо-западная сага перешла на Русь», «славяно-балтийским или норманнским», он обещал вернуться к этому вопросу на более широкой культурно-исторической основе и привлечь для его решения более обширный материал из англо-саксонских источников. Хотя свое обещание Куник сдержал через одиннадцать лет в статье: «Три корабля готов, англо-саксов и заморских братьев русской летописи», вошедшей в «Каспий» Дорна,² и в неопубликованной заметке, найденной в его посмертных бумагах,³ но о более широком изучении памятников англо-саксонской⁴ литературы для историко-сравнительных целей здесь уже не было речи: исследователь, в сущности, не пошел далее ранее установленной им аналогии. Таким образом, оправдать свой тезис о желательности систематического изучения а.-с. письменности Кунику не

¹ А. А. Куник. Несторово сказание о призвании варяго-россов, объясняемое сказанием о призвании англо-саксов. Зап. Акад. Наук, т. VI, 1865, прилож. 2, стр. 58—64.

² Зап. Акад. Наук, т. XXVI, прилож. I, стр. 392—400.

³ Эта заметка хранится в архиве А. Куника. См. «Архив Акад. Наук СССР», Л., 1933: стр. 122.

⁴ В дальнейшем сокращается на а.-с.

удалось; однако, сделанная им догадка первоначально показалась чрезвычайно интересной и вызвала затянувшуюся полемику, в которой приняли участие М. П. Погодин и Д. И. Иловайский: позднее к ней вернулся К. Ф. Тиандер, решивший вопрос о генетической зависимости русского предания от англо-саксонского в отрицательном смысле.¹ С тех пор, сколько знаем, вопрос о возможности непосредственного влияния англо-саксонской письменности на древне-русскую более не ставился. Но если дальнейшие, притом более или менее случайные, сопоставления англо-саксонских и русских преданий, летописных легенд, правовых обычаев и т. д. не приводили к установлению их непосредственной связи друг с другом, то тем настойчивее и литературная история, и археология, и история права указывали на скандинавское посредничество между ними. Сопоставления «Беовульфа», этого важнейшего памятника а.-с. литературы со «Словом о полку Игореве» и русским былевым эпосом, сделанные еще в 60-х гг. Ф. И. Буслаевым и П. Полевым,² не были подхвачены последующими исследователями и не получили обоснования в специальных работах; кроме того, они носили случайный характер и имели в виду, конечно, лишь установление некоторых обще-эпических, формально-стилистических аналогий между а.-с. и древне-

¹ К. Ф. Тиандер. Датско-русские исследования, вып. III, Пгр., 1915, стр. 1—2, 21—28, показал что географический район распространения данного сказания очень обширен и определяется крайними его пунктами: Ирландией, Сицилией и Новгородом; благодаря раскинутости этих записей по времени и по месту, зависимость их друг от друга совершенно исключается. К а.-с. преданию см. F. Lot. Hengist, Hors, Vortigern: La conquête de La Grande Bretagne par les Saxons, Mélanges d'histoire offerts à M. Charles Bémont. Paris, 1913.

² Ф. Буслаев. Русская народная поэзия. СПб., 1861, стр. 276, сопоставляет предание из русского «Азбуковника» о «змее Аспиде» с песнями древней Эдды о Зигурде и змее Фафнире с «Беовульфом», где те же подвиги приписаны отцу Зигурда — Зигемунду; ср. П. Полевой. Опыт сравнительного обозрения древнейших памятников народной поэзии германской и славянской, СПб., 1864, стр. 42. Случайные сопоставления отдельных образов «Слова о Полку Игореве» с а.-с. поэзией сделаны также М. Халанским (см. его «Южно-славянские сказания о Кралевице Марке», Варшава, 1893, стр. 216—217), который, напр., объяснял «мыслено древо» Бална из одной метафоры «Беовульфа»; недавно В. Ф. Ржига в Сб. статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 109—112, показал, какое существенное значение для комментария к «Слову» имеет стилистический анализ древне-германской поэзии; привлечение сюда англо-саксонского материала было бы, думается, далеко не безрезультатным; см., напр., W. Bode. Die Kenningar in der angelsächsischen Dichtung mit Ausblicken auf andere Literaturen, Darmst. 1886, и рец. Fr. Bischoff. Arch. f. d. St. N. Spr. Lit., Bd. LXXIX, S. 115. Укажем здесь, кстати, на старую, архаическую по материалам и методам, но в некоторых отношениях и сейчас интересную книгу: Aug. Bolz. Über das Altrussische Heldenlied im Vergleiche mit der Arthur-Sage, Berlin, 1854 (вошла в его Beiträge z. Völkerkunde. Oppenheim, 1868), который говорит о былинах «Владиминова цикла» в связи с кельтскими и англо-норманнскими преданиями о короле Артуре (S. 13 f.), много останавливается на западных аналогиях «Слову» (S. 19 ff.), сопоставляет Рогдая с Мерлином (S. 15—18) и т. д. Интересно начата, но не доведена до конца работа: Н. П. Дашкевич. Древне-кельтский эпос и былевые песни Киево-Галицкой Руси. Киевск. унив. изв. 1886, №№ 9, 10, 12.

русскими памятниками. Однако, замеченная общность некоторых исторических легенд (напр. сказания о смерти Олега и кентского предания, обработанного в «Ingoldsby Legends» Рич. Бархама о смерти барона Robert de Shurland от черепа любимого коня)¹ естественнее всего объяснялось общим для них скандинавским источником, который передвижения скандинавов занес с одной окраины «варяжского» мира на другую. Когда русская археология встретила с фактом нередких находок англо-саксонских монет в Северной России, то он получил аналогичное объяснение. В Вологодской, Олонецкой, Псковской губернии находимы были монеты времен Гарольда I, Эзсельреда и т. д.; главная масса этих а.-с. монет относится к тому времени, когда Англия находилась под влиянием Дании и должна была откупаться от врагов огромными денежными суммами (Danegeld). С постепенным растворением скандинавов среди а.-с. населения, со времени уничтожения «датских денег» при Эдуарде Исповеднике (около 1049 г.), а.-с. монеты исчезают из северных кладов, в том числе и русских.² К сходным выводам пришел Е. Н. Щепкин в своем исследовании о варяжской вире.³ Обратив внимание на то, что скала вир в «Русской Правде» наилучшую аналогию находит себе в англо-саксонских законах, он видел объяснение этого

¹ R. Abicht. Das Südrussische Igorlied und sein Zusammenhang mit der nordgermanischen Dichtung, Breslau, 1906, S. 19—20, где привлечены и а.-с. материалы; А. Лященко. Летописные сказания о смерти Олега. Изв. ОРЯС, т. XXIX, 1924, стр. 254—288.

² Б. В. Кене. Описание европейских монет. Зап. Археол. Общ., т. IV. СПб., 1852, стр. 38—39; П. С. Савельев. Англо-саксонские монеты, найденные в Вологодской губ. (Ibid., стр. 169—170; в Тотемском уезде 7 а.-с. монет короля Эзсельреда); в Псковской губ. а.-с. монеты IX—X вв. найдены вместе с немецкими и обломком «Владимирова серебра» (Отчет Археол. ком. за 1878 г., стр. XXXVIII, за 1887 г., стр. ССI и 1889 г., стр. 94; Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья, в Мат. по археол. России, № 18, СПб., 1895, стр. 101, 104, 121). См. также Grewingk, Über heidnische Graber Russisch Litauens, S. 159 и Временник Эстляндской губ. на 1893 г. кн. I. Ревель 1894, стр. 94. Отметим кстати, что наряду с общегерманским словом шиллинг (Auguste Ladé. L'origine du mot Shilling. Revue Suisse de Numismatique. Genève, 1892, t. 11, p. 4—12) в древне-русских актах едва ли не единственный раз встречается загадочное слово «стерляг»: в Арханг. списке летописи (к. XVI в.) под 883—964 гг. говорится о радимичах, которые должны были платить дань «но стерлягу отню с плуга»; некоторые полагают, что слово стерлинг вошло в список через переписчика-архангелогородца, которому слово это должно было быть хорошо известно благодаря оживленным сношениям Архангельска с Англией в XVI в., но это, во всяком случае, не объясняет интригующей формы «стерляг», которая невольно заставляет предположить нахождение его в гораздо более ранних списках. «Впрочем, достоверно известно, — замечает Б. Кене (op. cit., стр. 12—13), — что слово стерлинг (easterling) встречается уже в грамотах короля Осбрайта (Osbright) в начале X ст. и что оно означало широкие и тонкие пфениги, битые по образцам Карла Великого и вывезенные в Англию с востока». Ср. Ф. Круг. Исторические отрывки, Вестник Европы, № 15, 1807, ч. 34, стр. 194 сл., и Гревингк в Sitzungsber. d. gelehrten Estnischen Gesellsch. 1875, S. 61.

³ Е. Н. Щепкин. Варяжская вира. Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. XXXII. Одесса, 1915, стр. 311 и сл.

факта в том, что «в договорах англо-саксонских королей с вождями данских полчищ, грабивших и даже захватывавших части Англии, сохранились в непосредственной свежести и цельности древнейшие следы и записи скандинавского права, имеющие столь важное значение для объяснения правовых обычаев древней Руси». Таким образом, и здесь на первый план выдвинута роль скандинавов, как культурных посредников между Англией и Древней Русью.

Роль эта, действительно, должна была быть не малой. Общеизвестно, что в то самое время, когда первые варяжские дружины появились на территории будущей Руси; норвежские фиорды и фризские отмели стали выбрасывать отдельные пиратские отряды на британские и шотландские берега. Первые записи о набегах скандинавов начинаются в англо-саксонской хронике с 789 г.; особенно частыми и разрушительными эти набеги делаются при короле Эссельвульфе, во второй пол. IX в. Почти в то же самое время, когда, по русской летописи, происходит призвание варяжских дружин, в 869 г. на востоке Англии образовывается первое поселение норманнов; проходит еще полтора столетия, и пришельцам достается вся Нортумбрия, вся восточная и половина центральной Англии. В этой «Денело» (Dane-law), как стали называть принадлежащую датчанам страну, завоеватели поселились среди побежденных, как господа и собственники земли, — плотнее на севере и востоке, реже в центральной части, и мало-по-малу стали ощущать на себе культурное влияние англо-саксов. Немаловажным для нас обстоятельством является и тот, особенно подчеркиваемый недавними исследователями, факт, что в некоторых областях, наряду с датчанами было не мало и норвежцев; так было, напр. в Ланкашире и Йоркшире; скандинавская колонизация северо-запада Англии есть вообще дело норвежцев, двинувшихся туда из Ирландии.¹ В X—XI вв. культурные связи между Скандинавией и Англией стали особенно крепкими; скандинавское влияние оставило свои следы в английских диалектах, в собственных именах и названиях местностей; в свою очередь — распространение христианства в Норвегии есть дело англо-саксонской церкви.

Таким образом, и Англия и Древняя Русь в одно и то же время вошли в орбиту скандинавских вторжений. Неудивительно, что англов знает и русская начальная летопись, и что при этом она еще не отличает их от варя-

¹ Это положение обосновано в работе Ekwall, Scandinavians and Celts on the North-West of England, Lund, 1918; новейшую сводку данных о скандинавах в Англии в IX—XI вв. см. в статье F. M. Stenton's, The Danes in England, Proceedings of the British Academy, 1927, p. 203—246.

гов. Круг земель, занятых скандинавами, так очерчен в летописи: «По сему же морю [Варяжскому] сеять Варязи семо к Востоку до предела Симова, по тому же морю сеять к Западу до земли Агалянски и до Волошские», т. е. до нынешней Англии и Франции.¹ Тут же, «дробя этнографически эту арену выступлений варягов», летопись ставит Русь рядом с англянами: «Афетово же колено и то: Варязи, Свей, Урмане (Nordhmann — норвежцы), Готе, Русь, Агляне». «Странно, — замечает Е. Щепкин, — что здесь не упомянуты даны, но кажется, что в числе англов надо разуметь и их завоевателей — данов. По крайней мере, в рассказе начальной летописи о призвании варягов под 862 г. понятие англов подчинено, как частное общему, понятию варягов: «идоша за море к варягам к Руси — аще бо звахуть ти Варязи Русь яко ее друзии зовуться сее, друзии же Урмане, Англияне, иные Готе, — тако и си».² Отсутствие имени данов здесь так же характерно, как умолчание о норвежцах в англо-саксонских источниках. Англо-саксонским писателям, в свою очередь, в общих чертах известна и древняя Русь, по преимуществу северные ее области. В свой перевод трактата Павла Орозия «De Miseria Mundi», сделанный между 887 и 893 гг., король Альфред Великий включает рассказ датчанина Охтере (Oththere, позднейшая сканд. форма Ottar), который обошел берега Норвегии и Мурман и достиг Белого моря.³ Характерно, что по рассказам другого бывалого мореходца — датчанина Вульфстана, ходившего на своем суденышке по Балтийскому морю к эстам, саксам и восточным франкам, Альфред распространил название «Германия» на всю восточную Европу — от Рейна до Дона, что еще старые немецкие комментаторы интерполяций в переводе Альфреда объясняли скандинавской экспансией на Русь;⁴ в вер-

¹ А. А. Шахматов. Волохи русской летописи. Изв. Таврич. ученой архивн. ком. т. 54, 1918, стр. 234—240.

² Е. Н. Щепкин, *op. cit.*, стр. 406; В. Томсен (Начало русского государства, М., 1891, стр. 14) готов был думать, что здесь имеются в виду «Англы в Шлезвиге»; имя Англия долгое время сохранялось за небольшой территорией в южной Дании между Schlei и Flensburg'ом; жителей этих местностей и Альфред называет еще «Ongle» (см.: Erdmann. Über die Heimat u. den Namen der Angeln, Uppsala, 1891; ср. Müller, в Zs. f. D. Altert., 1896, S. 129—164); однако, порокой за то, что здесь имеются в виду не континентальные англы, но англы Британии служит указание на землю «Волошскую», т. е. Францию. Недавно R. Ekblom в статье «Vereinigungen unter den Nordländern im alten Russland». Zeitschrift f. Slav. Phil. X, 1933, S. 16, вновь пытался доказать что «англы» русской летописи — норвежцы из Hadeby (шведск. Hedeby).

³ К. Ф. Тиандер. Поездки скандинавов в Белое море. СПб. 1906, стр. 51—58.

⁴ Так у Forster'a, Geschichte d. Entdeckungen u. Schiffahrten in Norden, Frankfurt a. O., 1784; цитировано у G. Hübener'a, König Alfred und Osteuropa. Engl. Studien, Bd. 60, 1925, S. 37—38. Подробно останавливается на этом вопросе и H. Geidel, Alfred der Grosse als Geograph, Münchener Geographische Studien, XV, 1904, S. 27—28. Для Geidel'я — термин «Ro-

ховьях же р. Дона (Danais) Альфред поместил народ — Roschouasko, по странной случайности незамеченный русскими исследователями варяжского вопроса, в котором, кажется, можно найти небезинтересное свидетельство о варяго-русской колонизации по Дону и «русской» р. Волге (Rha-Ros). Подлинное же название «Руси» лишь несколько веков спустя появляется на английских картах.¹

2

Таким образом, находки на территории северной Руси а.-с. монет, аналогии в правовых обычаях у англо-саксов и в древней Руси, сходство многих подробностей их государственного и частного быта, преданий, летописных рассказов и т. д. — все это могли быть явления одного и того же порядка. Необходимо, однако, допустить и более тесную, непосредственную культурную близость между этими странами, которая могла быть следствием нередкого обмена людьми, главным образом из тех же варягов, а также родственных связей между ними. Множество примеров этому дают нам скандинавские саги. Из ряда жизнеописаний скандинавских воинов мы узнаем, что они нередко служили и воевали последовательно как в Англии, так и на Руси. Как характерна в этом смысле история Олафа Триггвасона, детство которого прошло в изгнании в Швеции и у «конунга» русского Владимира в Новгороде, где, вместе с другими норвежцами, был на службе брат его матери Астриды — Сигурд; зрелые годы Олаф провел в боях на территории Англии и Ирландии, скрывая свое происхождение, грабя ради добычи Стэнс на Темзе, Сандвич в Кенте, Ипсвич в Сеффоке, и, наконец, заключив мирный договор с Эзсельредом II; кончает Олаф тем, что став конунгом Норвегии, он обращает в христианство свою страну, захватив с собою из Англии епископа священников и диаконов, которые насаждают на его родине христианство по образцу англо-саксонской церкви.²

schouasko» обозначает: «Roxolani sivieli als Alanen am Fluss Ros-Rha» (S. 8); Hübener с достаточной убедительностью показывает, что Альфред знал и мадьяр (Maegras) и «славян, сидевших на северо-востоке Руси» (S. 40—41).

¹ Так «Русь» отмечена лишь на карте Richard of Haldingham (так наз. Герфордская карта мира, около 1280 г.): «dacia hec et russia» (Santarem. Essai sur l'histoire de Cosmographie et de la Cartographie pendant le Moyen Age. T. II, Paris 1850, p. 322; E. Moritz. Die Entwicklung des Kartenbildes der Nord und Ostseeländer bis auf Mercator. Diss. Halle, 1908. S. 8, 12); на другой английской карте, относящейся ко 2-й пол. XIII в., находятся Смоленск (Smolentice), Полоцк (Plosceke) и Русь (Rucia) позади Ливонии: см.: E. Sommerbrodt. Die Ebstorfer Weltkarte. Hannover, 1891. Moritz (op. cit., S. 73) говорит, что Русь (Ruscite) упоминается также в Psalter-Karte von London. Более ранние упоминания Руси на английских картах мне неизвестны.

² Е. Н. Щепкин, op. cit., стр. 400—401; Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, стр. 221—222; А. Лященко. Сага про Олафа Триггвасона. Украина, кн. 4, 1926, стр. 3—23.

Не менее характерна история жизни Олафа Толстого, прозванного «Святым». Его юность прошла, в ряду других викингов, в грабеже английских берегов (1009—1011 гг.); потом он остался на службе у Эзсельреда и в 1013 г. защищал Лондон от Свейна Тьюгускегга (Раздвоенной Бороды). После многих странствований он из Англии, летом 1015 г., поплыл в Норвегию со священниками-миссионерами и довел там до конца насаждения христианства, а в 1028 г., под давлением датчанина Канута, принужден был уйти в изгнание, сначала в Швецию, а затем на Русь, к Ярославу (1029 г.), куда стали прибывать к нему прежние его приверженцы и друзья: сводный брат Гаральд и Регнвальд, сын ярла Бруси, со многими воинами, поступили в Ярославово войско.¹

Очевидно, дворы английских королей, как и удельные владения русских князей, представляли одинаково гостеприимное поприще для деятельности скандинавских дружинников. Не забудем, что и Гаральд Норвежский (1047—1066), женившийся на дочери Ярослава — Елисавете, руки которой, по сагам, он так долго добивался в Киеве, пал в битве именно в Англии, сражаясь с Гаральдом II Годвинсоном, в год высадки в Англии Вильгельма Завоевателя и Гастингской битвы.

У нас есть и другие свидетельства, удостоверяющие, что по крайней мере в конце X и начале XI вв. путешествия из Лондона в Киев и обратно, через скандинавские страны, не представляли собою ничего исключительного. Об одном таком факте сообщает Адам Бременский: он говорит, что сыновья изгнанного Канутом английского короля Эдмунда Железный Бок — Эдвин и Эдуард — нашли себе приют на Руси, при дворе Ярослава Мудрого. Со слов Адама Бременского этот факт был известен и Карамзину, откуда, без проверки и дополнительного исследования, он попал во многие исторические труды.² Русским историкам, однако, осталось неизвестно, что то же известие, в несколько иной редакции, но с новыми и очень интригующими подробностями находится в английских источниках — в тексте так наз. «Законов Эдуарда Исповедника».

¹ Е. Щенкин, *op. cit.*, стр. 402—403; Ph. Krug. *Forschungen in d. älter. Geschichte Russlands*, II. 1848, St. Petersburg., S. 272.

² *Gesta Hammab.* II, 51; ed. Pertz, VII, 324; Карамзин, *История Государства Российского*, т. II, 40 и прим. 59; на Адама Бременского ссылается и А. F. Gfrörer. *Papst Gregorius VII und sein Zeitalter*, Bd. II, 1. Schaffhausen, 1859, S. 509. Это же известие, без всяких комментариев воспроизводят: Ив. Андреевский. *О правах иностранцев в России до вступления Иоанна III*. СПб., 1854, стр. 45; А. Синайский. *Отношения древне-русской церкви и общества к латинскому западу*. СПб., 1899, стр. 113, прим.; Н. С. Суворов. *Следы западно-католического церковного права в памятниках др.-русского права*. Ярославль, 1888, стр. 60—61; И. П. Козловский. *Внешние сношения древней Руси*. Записки Сев.-Кавказск. общ. археол., ист., этногр. т. III, вып. I, Ростов-н.-Д., 1930.

Смерть Эссельреда в 1016 г. возвела на английский престол его сына — Эдмунда Железный Бок в тот критический момент английской истории, когда флот датчанина Канута с огромными силами уже стоял у английских берегов; несколько месяцев подряд Эдмунд энергично и умело отражал нападение датского войска, пока дело его не было проиграно в битве при Assendun'e (Ashdown в Эссексе), сыгравшей для датчан ту же роль, что впоследствии Гастингс для норманнов; однако Эдмунд не успел еще добровольно отдать датчачам значительную часть Англии, как сам, в Андреев день (30 ноября 1016 г.), по свидетельству английских хронистов, был убит в Лондоне рукою изменника или наемного убийцы.¹ Тогда сыновья его Эдвин и Эдуард бежали из Англии — по сообщению Адама Бременского — на Русь, к Ярославу. В «Законах Эдуарда Исповедника», памятнике, выдающем себя за запись англо-саксонского права, составленную по опросам при Вильгельме Завоевателе в 1070 г., но, как мы знаем сейчас, после исследований Ф. Либермана, возникшем позднее, до 1134 г., речь идет только об одном сыне короля Эдмунда — Эдуарде.² В той части «Законов», которая представляет собою историко-критический комментарий к собственно-правовой части памятника, говорится, что Эдуард бежал «в страну рогов, которую мы называем Русией», и что «король этой страны по имени Malesclodus, выслушав и расспросив его, кто он и откуда, с честью удержал его возле себя».³ К этому автор прибавляет известие, что «там же», т. е. в изгнании, Эдуард нашел себе жену из благородного рода, которая родила ему сына Эдгара Эсселинга⁴ и двух дочерей: Маргариту, бывшую впоследствии Шотландской королевой, и Христину. Известие это заслуживает полного внимания. Из других английских источников известно, что Эдуард после смерти отца бежал на материк Европы, женился здесь на Агате, племяннице немецкого императора Генриха II, и что он,

¹ J. Lappenberg. Geschichte von England, 1834, Bd. I, S. 456.

² F. Liebermann. Über die Leges Edwardi Confessoris. Halle, 1896, S. 14—16.

³ «Edmundus habuit filium quendam, qui vocatus est Edwardus; qui mortuo patre timore [в другом списке прибавлено: regis Canuti] aufugit de ista terra usque ad terram Rugorum, quam nos vocamus Russeiam, quam rex ipsius terrae, Malesclodus nomine, ut audivit et intellexit qui esset et unde esset, honeste eum retinuit. Et ipse Edwardus accepit ibi uxorem nobili genere, de qua ortus est ei Aedgarus Edeling, et Margareta regina Scotiae, et Christiana [Cristina] soror ejus». R. Schmid, Die Gesetze der Angelsachsen². Leipzig, 1858, S. 516., F. Liebermann. Die Gesetze der Angelsachsen, Bd. I, Halle, 1903, S. 664. Любопытно подчеркнуть чрезвычайную распространенность этого памятника, известного в огромном количестве списков (см. замечание R. Hübner'a в Arch. f. d. St. d. N. Sprachen u. Lit., Bd. 99, 1897, S. 444—446).

⁴ Это прозвание (æfeling) дано как свидетельство его принадлежности к королевскому роду. Ср. Englische Studien, Bd. 48, H. I. (1914), S. 2 и H. Paul's Grundriss, III, 129 ff.

вызванный обратно на родину своим дядей Эдуардом III, вскоре после того умер в Англии.¹ Уже приведенное выше известие Адама Бременского делает совершенно недопустимым предположение Стэббса в его комментариях к хронике Роджера Говеденского, будто бы под «terra Rugorum» подразумевается о. Рюген, и что под странным именем «Malesclodus» якобы скрывается вендский князек Готтшалк.² Не менее искусственны и неправдоподобны построения Стеенструпа,³ который не только готов был считать, что вместо «terra Rugorum» должно было стоять «terra Ungorum», и что это ошибочно глоссировано было переписчиком «quam nos vocamus Russeiam», но даже, в конце концов предположил, что покровителем Эдуарда был гех Suavogum, измененный в Slavogum или что под Malesclodus'ом подразумевается Мечислав, король Польский. Однако не может быть никакого сомнения в том, что под именем Malesclodus'a подразумевается именно Ярослав и никто другой. Ярослав Мудрый был хорошо известен тогдашнему романо-германскому миру, как тесть короля французского Генриха I, но западные летописцы, для которых его славянское имя звучало слишком необычно, в большинстве случаев самым варварским образом коверкали это имя, варьируя его на разные лады. Так, норманнский летописец второй половины XI в. Guillaume de Jumièges в 7-ой книге посвященных Вильгельму Завоевателю «Деяний норманнских герцогов» называет Ярослава Julius Clodius rex Rugorum, Ордерик Виталий Julius Claudius.⁴ Форма Julius Claudius

¹ F. Liebermann, op. cit., § 31, 12, S. 37—38. Об Агате — супруге Эдуарда — говорит в нач. XII в. (около 1117 г.) Флоренц Уорчестерский; иные летописцы ошибочно называют ее «avor Heinrici imp.»; ср. Monumenta Germ. Historica, SS., t. XXVIII (Hannover 1888): 26₅; 28₅; 31₃₅; 73₃₀; 392₄₅.

² Chronica Magistri Rogeri de Hovedene, Edited by William Stubbs, Rolls Series, London. 1869, vol. II, p. LXXXVI.

³ J. Steenstrup. Normannerne, Danske og Norske Riger paa de Brittiske Øer i Danevaeldens Tidsalder, Bind III, Kjöbenhavn, 1882, p. 304—308. Против допущения возможности перехода Suavogum в Slavogum см.: J. Köpke, Altnordische Personennamen bei den Angelsachsen, Berl., Diss., 1909, S. 30.

⁴ Guillaume de Jumièges. Gesta Normannorum ducum. Ed. J. Marx, Rouen et Paris, 1914. VII, 28; Ordric Vitalis, ed. Prévost. III, 158; Liebermann, S. 38 замечает при этом, со слов проф. П. Г. Виноградова, что Claudius ошибочно было бы толковать как claudius: здесь мы имеем дело не с намеком на хромоту Ярослава, а с обычной антиквизацией незнакомого и непонятного имени. Это вполне подтверждают и другие западные искажения имени Ярослава, которые собраны уже у Ph. Krug'a (Forschungen in der älteren Geschichte Russlands, Bd. II, St. Petersburg., 1848, S. 272, Anm. 2). с большей полнотой в работе: Theodor Ediger. Russlands älteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und römischen Kurie. Halle, 1911, S. 66—67: Gerzlaf (Адам Бременский), Gerisclø, Juriscløht, Georguſ Slavus (Ярослав при крещении получил имя Юрия, Гюргия, Георгия), George Selane, George le Slavon Roy, Georgius rex Sclavorum. Juliuscladius (Recueil Hist. XI, 48), Julius Claudius (Ib. 247), даже Bullesclot и Bufllesdoc. См. еще: Max Sdralek. Wolfenbüttler Fragmente. Analekten zur Kirchengeschichte des Mittelalters aus Wolfenbüttl. Hs., Munster i. W., 1891, S. 178, 186.

является повидимому искажением христианского имени Ярослава — *Jurius* (*Georgius*) *Sclavus*. Другой источник (монах из Сен-Дени) называет Ярослава *Bullesclot*,¹ что уже совсем близко к *Malesclot*, *Malesclodus*.

Ф. Либерман прибавляет к этому несколько веских соображений в защиту достоверности известия, сообщенного в «Законах Эдуарда Исповедника». Свидетельство Флоренца Уорчестерского, относящееся к началу XII в., что покровителем Эдуарда был гех *Suavogum*,² в конце концов не противоречит свидетельству, что он был и при дворе Ярослава. Ведь дочь Олафа Шведского — Ингигерда вышла замуж за Ярослава, притом, вероятно, в 1016 г. (т. е. в год бегства Эдуарда из Англии), а не в 1019 г., как это было принято думать до недавнего времени;³ очень возможно потому, что Эдуард и прибыл на Русь через Швецию в свите Ингигерды или вскоре после ее приезда к Ярославу и свадьбы. Другие английские писатели, в их числе и *Walter Mapes* со своим сборником историй, анекдотов и придворных сплетен («*De pugis Curialium*», написан между 1180—1193 гг.), покровителем Эдуарда во время его отсутствия из Англии считают венгерского короля. В сущности, и это известие не находится в противоречии с вышеуказанными, если вспомнить о тесных связях, существовавших тогда между Русью и Венгрией: «Двоюродный брат св. Стефана — Владислав Лысый был женат на близкой родственнице Владимира Святославича; Ярослав Мудрый отдал свою дочь Анастасию (Агмунду) за сына Владислава Лысого — Андрея. Брачными связями до некоторой степени объясняется, почему в начале XI в. русские князья искали убежища в Угрии. Так, в 1115 г. Святослав Владимирович бежал в Угрию от Святополка Окаянного. Брачные отношения делают понятными и появление угров при дворе русских князей, и упрочение торговых сношений между Русью и Угрией, откуда привозились серебро и кони в обмен на меха, воск и иные товары».⁴

¹ *Mon. Germ. Hist.*, SS. IX, 404.

² *Florent. Wigorn. sub anno 1017, Mon. Germ., Hist.*, SS. XIII, 126. Из Флоренца, вероятно, взял это известие и *Ailred*, аббат цистерцианского монастыря в *Rievaulx*, в Йоркшире.

³ До сих пор считалось, что свадьба Ярослава и Ингигерды состоялась в 1019 г. (см. напр. в недавней сводной таблице: *N. Baumgarten. Généalogie et mariages occidentaux des Rurikides Russes du Xe au XIIIe s. Orientalia Christiana, vol. IX, 1, Roma, 1927, p. 8*). Однако А. И. Лященко рядом очень убедительных сопоставлений отодвигает дату замужества Ингигерды на три года назад (1016), находя подтверждение своим выводам также в «*Эймундовой саге*» (*Eymundar Saga* и русские летописи. Изв. Акад. Наук СССР, № 12, 1926, стр. 1010—1071).

⁴ А. Лонгинов. Родственные связи русских князей с угорским королевским домом. Тр. Виленского отд. Московск. предварит. ком. по устройству в Вильне IX Археол. съезда, Вильна, 1893, стр. 316.

Поэтому, думается, можно считать вполне естественным, что сын короля Эдмунда и претендент на английский престол, узурпированный датчанином Канутом, мог последовательно гостить при дворах Швеции, Киева и Венгрии; в Венгрии же (а не на Руси, как это выходит по контексту в «Leges Edw. Confess.»), он, повидимому, и женился на Агате, племяннице немецкого императора. Интересно, что в «Законах Эдуарда Исповедника» ничего не говорится о бежавшем с Эдуардом брате его Эдвине (о чем упоминает Адам Бременский),¹ а также о том, где он нашел себе первоначальный приют, прежде чем удержан был в Киеве Ярославом, и где был позднее. Ф. Либерман полагает, что автор взял все это известие не из письменного источника, но из устного предания, притом того самого, из которого он почерпнул известие о дочери Эдуарда — Христине.²

3

Эдуард провел в изгнании около 40 лет. Вызванный в Англию своим дядей Эдуардом Исповедником, он вернулся на родину в 1057 г., вместе с сыном и двумя дочерьми, и умер в том же году. Одна из дочерей Эдуарда от Агаты — Маргарита вышла замуж за короля шотландского Малькольма III, а другая — Христина, после смерти сестры воспитывала ее детей в одном из шотландских монастырей. Христина надолго пережила ту новую трагедию английской истории, которая носит название норманнского завоевания (она умерла после 1095 г.) и которая оказалась косвенной причиной того, что дочь последнего англо-саксонского короля сделалась женой Владимира Мономаха. После 1066 г. самой Христине пришлось бежать в Шотландию; от отца она могла знать кое-что и о Киевской Руси; нет ничего невероятного и в том, что она знала о браке английской принцессы и русского князя: ведь речь шла о той стране, где за сорок лет перед тем нашел приют ее отец, спасаясь от узурпатора датчанина. К сожалению, и на этот раз история английской принцессы на чужой стороне известна нам очень мало. Английские и норманнские летописцы этой смутной поры наблюдали столь важные перемены в жизни Британии, принуждены были следить за столькими событиями первостепенного исторического значения, что судьба потомства последнего короля англо-саксов лишь глухо отразилась в их писаниях. И все же о Гите Гарольдовне у нас больше данных, чем о ее братьях и сестрах: о ней говорится в скандинавских источниках.

¹ Ср. в «Rogeri de Wendover Floribus Historiarum», s. a. 1077, Mon. Germ. Hist., SS., XXVIII, p. 26.

² F. Liebermann, op. cit., § 12, S. 11—12.

У Гаральда, избранного королем после смерти Эдуарда Исповедника, было три сына — Годвин, Эдмунд и Магнус и две дочери — Гунхильда и Гита.¹ Проследить биографию Гиты не очень легко. Пользуясь главным образом сводными трудами по истории норманнского завоевания (Aug. Thierry, Freeman), ее пытался построить И. М. Ивакин.² Обращение к первоисточникам позволяет в некоторых случаях исправить отдельные подробности его рассказа, но, вместе с тем, не устраняет из него многих темных мест. Не повторяя подробностей, напомним лишь несколько фактов.

И. М. Ивакин предполагает, что в роковой 1066 г. Гите «смогло быть лет около десяти»; у нас нет данных для такого допущения, но вполне вероятно, что Гита действительно была еще в детском возрасте и неотлучно находилась с семьею, в тот момент, когда Гарольд вместе со своими братьями двинулся навстречу норманнам. «В четверг 12 октября 1066 г. король выступил, а в ночь с субботы на воскресенье получено было известие, что битва проиграна и он с братьями убит. После победы южные графства оказались во власти Вильгельма. Хотя вслед за тем он провел в бездействии целый месяц, однако графства восточные не нашли возможности организовать силы, способные дать отпор норманнам. Крепость Уинчестер, местопребывание вдовствующей королевы Эдгиты, скоро покорилась; ее примеру последовал и Лондон. 25 декабря Вильгельм торжественно короновался. Семья Гарольда, вероятно, в это время удалилась на Запад, где у Гиты (матери короля Гарольда и вдовы Годвина) были обширные земли»...³

Как известно, норманнский погром первоначально не коснулся западных графств, и они деятельно начали готовиться к борьбе. Центром движения сделался город Экстер. Когда в феврале 1068 г. норманны вступили в пределы западной Англии и подступили к стенам этого города, в нем находилась вся семья покойного Гарольда: вдовствующая королева Гита, вдова Годвина и ее внучки — Гита и Гунхильда Гарольдовны. Осада Экстера была продолжительной и трудной, пока Вильгельм не прибег к подкопу: «Гита, — говорит Фримэн, — покинула город ранее, чем отворили ворота. Бежать было нетрудно, потому что Вильгельм не привел кораблей, чтобы

¹ Freeman. The History of Norman Conquest. Oxford, 1871, vol. III, p. 764, vol. IV, p. 757. Имена сыновей названы у Флоренца под 1068 г., имена дочерей в Nova Legenda Angliae. труде John'a Sargrave (1393—1464), компилированном из John of Tynemouth. Фримэн предполагает, что матерью всех этих детей Гаральда была Эдифь Лебединая шея (Eadgyth Swanenhals).

² И. М. Ивакин. Князь Владимир Мономах и его поучение, ч. I, М., 1901, стр. 201—251.

³ И. Ивакин, op. cit., стр. 252—253.

напасть на Экстер с моря. . . Когда пролом в стене показал, что противиться бесполезно, даже, может быть, когда Вильгельм торжественно вступал в город восточными воротами, Гите и другим, желавшим разделить с ней судьбу, нетрудно было уйти набережными воротами на безопасную пока еще реку. Вдова Годвина, мать Гарольда, имела возможность уплыть с сопутниками прежде, чем последнее убежище ее детей склонилось перед норманном, как перед своим владыкой. С ближайшими сопутниками она или обогнула мыс Лэндсенд или, может быть, имела возможность пройти дружественной страной к берегам Сомерсета».¹ Там они нашли приют на одном из островов; мать Гарольда с внучками прожила здесь некоторое время, что же касается сыновей, то они ушли в Ирландию, откуда предприняли несколько неудачных экспедиций на английские берега: два их поражения показали, что торжество Вильгельма прочно. Вероятно, после второго из них семья Гарольда навсегда покинула английскую землю и удалилась в Сент-Омер во Фландрии, откуда впоследствии уехала в Данию. Норвежские и датские летописцы свидетельствуют, что здесь, в Дании, Гита (*Gyda Haralds-dóttir*) была выдана замуж за Владимира, короля Холмгарда, сына Ярослава и Ингигерды. Это известие мы находим у Снорро Стурлезона, у датского историка Саксона Грамматика, который сватовство Гиты считает делом рук короля Свена, и у многих других летописцев.² О Гарольдовой дочери, супруге Владимира, русского князя, говорится и в сагах, напр. в «*Knytlingasaga*», где сказано даже, что у нее был сын, носивший имя Гаральда (т. е. Мстислав); о том же упоминается в саге о норвежском

¹ Freeman. Norm. Conquest, vol. IV, p. 157—158.

² Freeman (Norm. Conquest, vol. IV, p. 754—757: Note R: The Children of Harold), цитируя Снорро и Саксона Грамматика, затруднялся объяснить хронологические противоречия этих известий, несмотря на то, что уже Карамзин признал в «Вальдемаре» не сына, а внука Ярославова, т. е. Владимира Мономаха; смутившее Фримэна указание J. M. Lappenberg'a (*Geschichte von England*, Bd. I, Hamburg, 1834, S. 557), что отцом сына Гиты Мстислава-Гаральда был Владимир Мономах, совершенно точно. Вот свидетельство Saxo: «Cuius filii duo confestim in Daniam cum sorore migrarunt, Quos Sueno, paterni eorum meriti oblitus, consanguine pietatis more excepit, puellamque Rutenorum Regi Waldemaro, qui et ipse Jarizlavus a suis est appellatus, nuptum dedit. Eidem postmodum nostri temporis dux, ut sanguinis ita et nominis haeres, et filiâ nepos obvenit». На известии Саксона Грамматика основывается, повидимому, и тот рассказ, который помещен в «*Excerpta ex Historicis Danorum*» Петра Олая; привожу его, так как он отсутствует у Фримэна и Ивакина: «Occiso autem Haraldo, ut dictum est, qui regnum Angliae occupaverat, duo filii ejus cum sorore in Daniam fugerunt. Quos Sveno, licet pater eorum non meruerat tamen ratione consanguinitatis humaniter recepit, puellam Rutenorum Regi Waldemaro, qui a Jarizlavus a suis dictus est (sic!) uxorem didit. Hujus Waldemari nepos ex filia erat noster gloriosus Waldemarus Primus, filius sancti Kanuti Ducis, nomen ex eo sumens» (см.: Jacobus Langebek, *Scriptores Rerum Danicarum Medii Aevi*, tom. II, Hafniae, 1773, p. 208). Ср. еще: P. A. Munch. *Det Norske Folks Historiae*, Christiania, 1883, II, p. 117.

короле Гаральде Смелом и у Торфея, со ссылкой на те же саги.¹ Почти ничего не находим о Гите в русских источниках; как в летописи, так и в «Поучении» Мономаха она названа лишь по одному разу — в год своей смерти, да и то не под своим именем (в «Поучении» она названа «Юрьева мати», в летописи — «Володимерья»). Все это затрудняет решение вопроса о годе брака Мономаха: предположительно его относят к 1074 или 1075 г.²

О жизни Гиты на Руси также можно только догадываться. Ивакин предполагает, что «обычным, исстари проторенным, путем Гита приехала из Дании в Новгород, где с 1069 по 1078 г. княжил двоюродный брат ее жениха — Глеб Святославич». В 1076 г., в отсутствие мужа (ходившего на четыре месяца с войском в Чехию), Гита «вероятно находилась в Переяславле, у свекора своего Всеволода. В июне у нее родился сын; надо полагать, в память деда, знаменитого Мстислава Владимировича, которому некогда принадлежала переяславская область, и о котором еще гремели золотые струны вещего Баяна, новорожденному дали имя Мстислав; сама же мать, еще плохо освоившаяся с русским бытом и языком, назвала его именем покойного отца». ³ К этому следует прибавить, что именованное в честь деда по матери было тогда широко распространено и у византийцев и у болгар, у англо-саксов, норманнов и в древней Руси;⁴ под именем Гарольда или Гаральда знают Мстислава и северные летописцы (ср. «*Knytlingasaga*»: «*mater Haraldí erat Gyta, filia Haraldí anglorum regis*»).

Правдоподобным является предположение того же Ивакина, что затем Гита около четырнадцати лет (между 1078 и 1093 гг.) прожила в Черни-

¹ *Antiquités Russes*, Copenhagen, 1852, vol. II, p. 128, 135; выписки из саг о Гите см. еще у Ивакина, стр. 207—209.

² Дата свадьбы не может считаться установленной. По мнению одних историков, брак совершился в 1074 г. или 1075 г., так как в 1076 г. у Мономаха уже родился сын — Мстислав, которого он называет своим первенцем, другие, напр., N. Baumgarten (*Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes*, p. 68) относят его уже к 1070 г., впрочем, кажется, без достаточных оснований. Мономах, повидимому, был женат два раза; по крайней мере Лавр. летопись дважды говорит о смерти Володимировой княгини. Гита была его первой супругой; о происхождении и имени его второй жены ничего неизвестно. Впрочем, Карамзин и Арцыбашев (*Повествование о России*, т. I, М., 1838, стр. 145—146) полагали, что Мономах был женат даже три раза, отличая Гиту от матери Юрия, о смерти которой говорится в «Поучении», а также в летописи под 1107 г. Однако Ивакин остроумно доказывает, что Гита и мать Юрия — одно лицо. См.: Н. П. Голубовская. Владимир Мономах, Киев, 1915 («*Minerva*», Сборник, издав. при Ист.-Фил. сем. Высш. женск. курсов, вып. V, стр. 99).

³ Ивакин, *op. cit.*

⁴ Много примеров собрано у С. Гедеонова, *Отрывки из исследований о варяжском вопросе*, Зап. Акад. Наук, 1863, III, стр. 269 и у Ивакина, *op. cit.*, стр. 53 и сл. У отца жены Мономаха — короля Гарольда, сына Годвина и Гиты и внука Вульфнота, были сыновья — Годвин и Вульфнот, дочь — Гита.

гове, и что здесь родились у нее сыновья — Святослав, Ярополк, Вячеслав, Роман и — по Татищеву — Юрий.¹

Об обстоятельствах и дате смерти Гиты мы можем также только догадываться. Если принять точку зрения Ивакина, отождествившего мать Юрия с Гитой, то она умерла в 1107 г. До этого года, пишет Ивакин, «в Поучении 6 раз упоминается о путях в Смоленск, 2 раза о пути в Ростов. Пути эти предпринимал Мономах на зиму; под именем их разумеется полюдье, хождение в дань. Мы знаем, что княгини принимали участие в такого рода путях и потому есть основание допускать, что и Гита сопровождала своего мужа. О пути в Смоленск в 1106—1107 г. Мономах пишет: «и на зиму Смолинску идох; и Смоленска по велице дни выидох, и Гюргева мати умре». Под Гюргевой мати разумеется Гита, и если в кратком, почти голом перечне путей Мономах не забыл упомянуть о смерти своей жены, то наверное это обстоятельство свидетельствует, что утрата была для него тяжела, что в течение 31 года Гита была верной ему спутницей. Называя Гиту «Володимерья», летопись прибавляет, что она умерла в 1107 г. мая 7-го. Из слов «Поучения» можно догадываться, что она умерла в Смоленске.²

Если мы так мало знаем о внешней, фактической истории жизни Гиты, то еще труднее составить себе представление об ее нравственном облике; здесь мы уже всецело находимся в области догадок, направляемые по искомым путям лишь случайными домыслами и аналогиями. Достоинство любопытства, что в строе англо-саксонской семьи, насколько мы ее знаем после исследований F. Roeder'a,³ Marg. Browne⁴ и других, было много общего с семьей древне-русской, с тою только разницей, что положение женщины у англо-саксов было гораздо более свободным и почетным, чем в древней Руси. В «Поучении» Мономах говорит: «жену свою любите, но не дайте им над собою власти». С. Протопопов считает,⁵ что, высказываясь так, Мономах имел в виду «отрицательные взгляды на женщину, в силу кото-

¹ Н. В. Шляков (О поучении Владимира Мономаха, СПб. 1900, стр. 36—37) полагает, что сыновьями Мономаха от Гиты были Мстислав (р. 1076 г.), Святослав (р. 1077 г.), Ярополк (р. 1078 г.), Вячеслав (р. 1079 г.), Изяслав (р. 1080 г.). Юрия же, в противоположность мнению И. Ивакина, он считает «старшим сыном второй супруги Мономаха». Относительно дочерей Мономаха — Марии, Евфимии, Агафии — неизвестно, была ли их матерью Гита.

² Ивакин, *op. cit.*, стр. 257.

³ Fritz Roeder. Die Familie bei den Angelsachsen, 1, Halle, 1899 (Studien z. engl. Phil. hrsg. L. Morsbach, H. 4).

⁴ Marg. Browne. The Importance of Women in Anglo-Saxon Times and other Addresses. London, 1919.

⁵ С. Протопопов. Поучение Владимира Мономаха. ЖМНП, № 2, 1874. стр. 285—290

рых она считалась достойною не любви и уважения, а, напротив, презрения и глубокой ненависти»; вторая же половина фразы Мономаха отражает господствующее воззрение церкви на взаимоотношения супругов (см. Послание к Ефесянам ап. Павла). Из англо-саксонских законов и правовых документов мы знаем, что и в Англии церковь и законодательство предписывали женщине безусловное подчинение своему мужу,¹ и тем не менее это не противоречило ее достаточной независимости в отношении правовом и в смысле индивидуальной свободы. Замечательнее всего, однако, то, что англо-саксонские женщины, особенно высшего класса, стояли довольно высоко в своем интеллектуальном развитии. Они были искусны не только в тканье и вышивании, но зачастую отличались и на поприще искусства и литературы. В IX и особенно X вв. это значение женщины поднялось особенно высоко. Четыре королевы, сестры короля Эзельстана, были прославленные мастерицы в тканье и вышивании; но Уильям из Мэльмсбери сообщает, что отец их, король Эдуард, воспитал их таким образом, что уже в детстве они получили большой интерес к литературе. Цитируя это место английского хрониста, Райт напоминает кстати историю королевы Осбурги, матери Альфреда Великого, которая внушила своим детям любовь к литературе, сама занимаясь с ними в своих покоях;² Эдифъ, супруга Эдуарда Исповедника, также была очень начитана в литературе: сюда относится свидетельство псевдо-Ингульфа,³ которое — как бы мы ни относились к достоверности его «Истории», во всяком случае не противоречит другим аналогичным указаниям на ту роль, какую искусство и литература играли в женской половине англо-саксонского королевского дома: здесь охотно цитировали стихи и любили беседовать на философские и грамматические темы. Не будет, кажется, ошибкой предположить, что и Гита не представляла в этом отношении исключения из общего правила, и что она, во всяком случае, должна была в семье отца получить прекрасное воспитание; право на такое заключение дает нам все, что мы знаем о постановке воспитания в аристократических семьях у англо-саксов.⁴

¹ F. Roeder, op. cit., S. 85—86.

² Thomas Wright. The Homes of Other Days. A History of Domestic Manners and Sentiments in England, London, 1871, p. 66—67.

³ John Thrupp. The Anglo-Saxon Home: A History of Domestic Institutions and Customs in England, London, 1872, p. 72—74.

⁴ По этому вопросу имеется солидная работа F. Roeder'a: Über die Erziehung der vornehmen angelsächsischen Jugend in fremden Häusern, Halle, 1910, и важные дополнения к ней: Marg. Rösler. Über die Erziehung in England vor der normannischen Eroberung, Englische Studien, 1915, vol. 48, S. 1—114.

4

Защищая свой тезис о возможности знакомства русского летописца с западными преданиями и даже, быть может, латинскими хрониками, П. М. Бицилли пишет: «Везде и во всякое время женщины, особливо вступающие в браки с владетельными конунгами, оказывались самыми действительными проводниками иноземного культурного влияния. Есть, кроме того, и неопровержимые доказательства того, что то же самое было и у нас на Руси. Надо думать, что эти немецкие принцессы, бывшие замужем за Ярославичами, приезжали на Русь не одни, а с собственным двором, в котором были, без сомнения, и капелланы и духовники».¹ Если это положение справедливо, то оно вполне применимо и к английской королевне. Более того, мы имеем право предположить, что в данном случае имелись особобудительные причины для приезда на Русь, вместе с Гитой, большего, чем обычно, количества ее соотечественников. Гита должна была приехать в сопровождении некоторой свиты, которая должна была состоять не только из датчан, данных ей в спутники королем Свенном, но и бежавших вместе с нею англо-саксов. Во всяком случае, достойно любопытства хронологическое совпадение двух дат: приезда ее на Русь и последних попыток находившихся в Дании англо-саксонских эмигрантов вести борьбу с норманнами, все прочнее утверждавшимися в Англии. До тех пор в некоторых частях Англии еще были живы надежды на реставрацию, но в 1074 г., как раз около того времени, когда Гита уехала на Русь, всем этим надеждам был нанесен самый решительный удар. Разгром датского флота, посланного королем Свенном для борьбы с завоевателями и достигшего в 1074 г. р. Гумбера,² окончательное покорение Нортумбрии, смерть от руки норманнского палача графа Вальдгеофа, вдохновителя датской интервенции и организатора встречных восстаний в Англии, — все это положило конец прежним иллюзиям и послужило толчком к эмиграции, которая все усиливалась к концу XI ст. Поток англо-саксонских беглецов направляется, между прочим, и в Византию, и с конца XI ст. у византийских императоров оказывается целая английская дружина, постепенно вытесняющая собой норманнов.³ Отчего не предположить, что некоторая часть подобных же вольнонаемных воинов могла попасть и на Русь, к Владимиру Мономаху, любившему свою дружину и нуждавшемуся в ней при своей беспо-

¹ П. М. Бицилли. Западное влияние на Руси и начальная летопись, Одесса, 1914, стр. 20.

² J. J. Worsaae. An Account of the Danes and Norwegians in England, Scotland and Ireland, London, 1872, p. 173—174.

³ В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе. Труды В. Г. Васильевского, т. I, СПб. 1908, стр. 355 и сл.

койной военной, походной жизни. Едва ли в широкой массе англо-саксонского населения, тем более среди эмигрантов, имевших все основания чтить память погибшего при Сенлаке короля Гарольда, не было известно, что дочь его Гита является супругой русского князя: недаром же северные источники отмечают не только этот факт, но знают и об англо-саксонском имени ее первенца Мстислава-Гарольда. То же известие могло распространиться среди англо-саксов и через Византию. Разумеется, такое предположение нуждается в доказательствах, которые еще подлежат разысканию. Англо-саксонские имена, если таковые сохранились в русских памятниках, не могут быть с достоверностью определены уже потому, что англо-саксонские формы часто совпадают со скандинавскими;¹ памятники материальной культуры с этой точки зрения кажется еще не изучались. В виде косвенного подтверждения разноплеменности эмиграционной волны, шедшей на Русь из Скандинавии в эту эпоху, и возможности существования в ней специально англо-саксонской струи можно было бы сослаться на упоминание в так наз. «Молитве св. Троице» варяжских святых — Магнуша (Magnus' ум. 1047), Канута (Canut, ум. 1086) и других, среди которых есть два имени святых, начитавшихся англичанами: Альбана (ум. 1072) и Бутулва, т. е. Ботульфа.² Полагают, что вставка в эту молитву, восходящую к римско-католическому оригиналу, «сделана уже на Руси, в одном из русских вариантов».³

¹ J. Kôrke. *Altnordische Personennamen bei den Angelsachsen*, Berl.-Düss., 1909; Erik Bjorkmann. *Nordische Personennamen in England in alt- und frühmittelenglischen Zeit*. Studien z. engl. Phil., hrsg. L. Morsbach, H. 37, 1910. Повидимому, однако, без привлечения англо-саксонских материалов не обойтись исследователям варяго-русской ономастики, особенно для более раннего времени: еще А. Куник в письме к Гутцейту обратил внимание на то, что в «Беовульфе» встречается лучшая лингвистическая параллель к имени Олега — Hálga, которое в а.-с. памятнике носит один датский князек (Briefwechsel zwischen Ak. Kunik... und Chr. Gutzeit, Riga, 1899, S. 7, 34); в том же «Беовульфе» названы Ingeld, Halfdaene, имена которых засвидетельствованы на всем севере и встречаются в др.-русск. договорах с греками (944 г.): Игелъд, Ингелъд и Алдан; др.-русское Адулб, по В. Томсену (op. cit., стр. 119 сл.), объясняется из а.-с. Eadwulf, Адун родственно а.-с. Eadwine, Асмуд — а.-с. Osmund'у. Необъясненное прежними исследователями из скандинавских источников имя Искусеви Е. Н. Щепкин остроумно возвел к встречающемуся в а.-с. анналах имени «Эскиви» (Aeskwi; Aesk-wig). См. «Варяжская вира», стр. 405 прим.

² Деятельность Ботульфа (Botolph или Botulph) относится к VII в. (ум. 680 г., память его почиталась 17 июня) — канонизация же к X в., когда Этельвальд, епископ Уинчестерский, распределил его останки между монастырями в Ely, Westminster и Thorney (983—984). О распространенности культа Ботульфа в Англии свидетельствует то, что он дал имя городу Бостону (Boston, сокращение из Botulphs town), а также и то, что в одном Норфольке его имя носило 10 церквей, а во всей Англии — около 50. См. Dict. of Nat. Biogr., vol. II (Oxf. 1922), p. 908. Житие Ботульфа составлено было вскоре после норманнского завоевания и приписывается Folcard'у, аббату в Thorney.

³ К. Ф. Тиандер. Датско-русские исследования, вып. III, СПб., 1905, стр. 173. Иначе у А. И. Соболевского (Русские молитвы с упоминанием западных святых в Мат. и исследов. в области слав. фил. и археол. СПб. 1910, стр. 36—47), который полагает, что вся эта молитва

Появление этих имен в славянской молитве можно было бы также связать с деятельностью на Руси ирландских монахов или скоттов. Известно, что эти «скотты» в довольно большом количестве появились в Германии в конце XI и нач. XII вв. «Основное направление их странствий, — пишет М. Шайтан, — определялось давней традицией и большими торговыми дорогами. Новые госпиции и монастыри ирландцев появлялись в XI в. преимущественно по берегам Рейна и Майна, а также по Дунаю. В своей беспокойной жизни на чужбине они редко уживались подолгу в госпициях и, питаясь, главным образом, благочестивыми подаяниями и перепиской книг, не пренебрегали и побочными занятиями: коммерческими операциями и дипломатическими поручениями».¹ Около 1070 г. появились они и в Регенсбурге, на исходном пункте дорог в Восточную Европу и здесь, с согласия папы и при содействии зажиточных горожан, вскоре возник выстроенный ими монастырь во имя св. Иакова и Гертруды. В житии одного из пришельцев из далекой Гибернии, св. Мариана, писанном около 1185 г., рассказывается, что один из братьев, по имени Маврикий, «муж многоопытный и в делах весьма искусный», «один, в сопровождении мальчика, ведомый благодатью св. духа, глухими дорогами прибыл к русскому князю, и от этого государя и других знатных лиц богатейшего города Киева получил в подарок драгоценные меха ценою в сто фунтов серебра; увезя их на телегах, он благополучно вернулся вместе с купцами в Регенсбург», где на деньги, вырученные от продажи русских мехов, закончена была постройка монастыря — одного из замечательных памятников средневекового искусства. Эта постройка длилась довольно долго: с 1090 по 1122 г., что сильно затрудняет датировку путешествия Маврикия в Киев и выяснение вопроса, какому князю он был обязан щедрым пожертвованием. Существует предположение, что этим русским князем был Владимир Мономах;² правда, против этой догадки, высказанной В. Абрагамом, говорят некоторые хронологические соображения,³ но вопрос еще не решен окончательно, целиком была переведена с латинского языка на славянский в Чехии, и оттуда уже занесена на Русь. См. еще: Пам. древн. письм., № 50, СПб. 1884, и И. А. Шляпкин в ЖМНП, № 12, 1884, стр. 267—269.

¹ М. Шайтан. Германия и Киев в XI веке. Летопись занятий постоянной Археогр. ком., т. XXXIV (1927), стр. 20—22; ср. его же статью: Ирландские эмигранты в средние века. Сб. «Средневековый быт», Л., 1925, стр. 179—205.

² Władisław Abraham. Powstanie Organizacyi Kościoła tacińskiego na Rusi, Lwów, 1904, t. I, str. 68—69. Точку зрения Абрагама как будто принял и русский рецензент его книги. С. Л. Шташицкий (Изв. ОРЯС. 1905, кн. 3).

³ В. Г. Василевский (Древняя торговля Киева с Регенсбургом. ЖМНП, № 7, 1888, стр. 134—136) : «скагал, что киевским князем, одарившим Маврикия, был один из Изяславичей — «либо Святополк (ум. 1122), либо Мстислав (ум. 1129)», но он допускает ошибку: Свято-

тем, более, что удачный результат поездки брата Маврикия в Киев мог побудить регенсбургских «скоттов» повторять свои поездки, что было так естественно при наличии торговых сношений между Регенсбургом и Киевом в эту пору. Абрагам в подтверждение своей догадки не только ссылается на то место «Поучения» Владимира Мономаха, где говорится о долге гостеприимства, но прямо утверждает, что Мономах сносился с регенсбургскими ирландцами относительно латинских киевских церквей; при этом исследователь забывает, быть может, о наиболее сильном аргументе, который мог бы послужить в пользу его построения — именно о том, что женою Мономаха была англо-саксонка; посредничеством и заступничеством ее и мог бы объясняться факт исключительной щедрости киевского князя, областавшего католического монаха, родом из далекой Гибринии, в тот момент, когда связи русской церкви с западной уже совершенно прекратились. Впрочем, будь этим князем Изяслав, Святополк или Мстислав, трудно поверить, чтобы путешествие Маврикия в Киев прошло мимо Мономаха, княжившего тогда в Чернигове и уже зорко приглядывавшегося к великокняжескому «столу»,

попк умер не в 1122, а в 1113 г.; еще в 1093 г. Владимир Мономах добровольно уступил Святополку киевский стол, как старшему в роде, и Святополк княжил там до своей смерти; кроме того, едва ли такую щедрость по отношению к католическому монаху (притом в полном согласии с богатой верхушкой киевского населения) мог проявить Святополк, непопулярный в Киеве за свою недалёковидность, подозрительность и корыстолюбие. К точке зрения В. Васильевского, однако, безоговорочно присоединился А. Стороженко (О существовавших в г. Киеве римско-католических храмах. Египос. Сб. статей в честь Н. П. Дашкевича, Киев, 1906, стр. 243). М. Э. Шайтан отвергает догадку Васильевского из других соображений; по его мнению, издавая житие св. Мариана, где находится указанное известие о путешествии Маврикия в Киев, «болландисты совершенно перепутали события» и отнесли путешествие к началу XII в., «между тем в житии сказано, что деньги, вырученные от продажи киевских мехов, были истрачены на окончание постройки монастыря, а именно на сооружение крыши. Согласно документам, опубликованным G. A. Renz'om (Beitrag z. Gesch. d. Schottenabtei St. Jacob в Studien u. Mitteilungen aus d. Benedict. u. Cisterc. Orden, T. XVI, 1895, S. 64 sq., 250 sq.), монастырь был выстроен и освящен в 1090 г., следовательно, путешествие Маврикия непосредственно предшествовало этому году. Недоразумение возникло из-за смешения двух охранительных грамот» (Германия и Киев в XI в., стр. 20—22). Ко всему этому М. Шайтан прибавляет, что посвящение церкви св. Якову — покровителю странствующих — и Гертруде может указывать на жену Изяслава Гертруду, которая умерла в Киеве в 1107 г. Аргументация М. Шайтана представляется мне недостаточно убедительной. Едва ли в «Vita S. Mariani» на ряду с вел. князем и старейшинами Киева не была бы упомянута и вдовствующая великая княгиня, если ее заступничеству был обязан Маврикий своими подарками, и особенно, если в ее честь монастырская церковь была посвящена св. Гертруде; кроме того, церковь была освящена лишь в 1111 г., т. е. через три года после смерти Гертруды и спустя 18 лет после предполагаемой поездки Маврикия в Киев! Наконец, как указано выше, житие написано около 1185 г., следовательно, указание его на то, что на русские деньги была выстроена именно крыша, а не какая-либо другая часть здания, не может быть с полной достоверностью подтверждено документами, на которые ссылается М. Шайтан, так как можно предположить ошибку и в рассказе жития. О догадке В. Абрагама, которому должна была быть известна публикация Ренца, М. Шайтан не упоминает.

тем более, что жене его ирландец мог привезти важные известия из ее родины. Не забудем, что именно в Ирландию вели многие воспоминания Гиты, связанные с роковыми для ее семьи событиями норманнского завоевания: в то время как она вместе с бабушкой и старшей сестрой уезжала во Фландрию, братья ее напѣли себе приют в Ирландии, где, повидимому, и остались после неудачных попыток поднять восстание в западной Англии.¹

К сожалению, нам ничего неизвестно о существовании в Киеве латинских церквей в XI в.; древнейший документ, подтверждающий существование на Руси кляштора пресв. девы Марии, хозяевами которого были именно ирландцы, относится только к 1242 г.: речь идет о бежавших из Руси от татарского погрома через Вену в Ирландию монахах этой обители.² Однако ничто не мешает предположить, что ирландцы нашли себе приют на Руси более чем за сто лет перед тем, если мы достоверно знаем о первом путешествии их в Киев между 1089 и 1122 г.

5

Вернемся несколько назад. В начале 1068 г., в то время как Гита с семьей своего отца находилась в осажденном норманнами г. Экзтере, епископом этого города был Леофрик (1050—1072), просвещенный и энергичный деятель своей эпохи, получивший воспитание в Лоррени, большой библиофил, до назначения своего в Экзтер бывший капелланом короля Эдуарда Исповедника.³ Он известен как деятельный устроитель церковной иерархии в Западной Англии, а также как владелец замечательной по тому времени библиотеки, жалкие остатки которой дошли до нас в качестве весьма важных реликвий англо-саксонской эпохи.

Библиотека Леофрика была им подарена собору св. Петра г. Экстера и, как видно из сохранившейся инвентарной описи ее, состояла из

¹ J. M. Lappenberg. *Geschichte von England*. Bd. II, Hamburg, 1837, S. 82.

² Erben. *Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae*, P. I. Pragae, 1855. p. 502, № 1060; Feier, *Cod. Dipl. Hung.* IV, 1 p. 235; *Mon. Germ. Hist.*, SS. XXVIII, p. 209. Этот документ помещен уже в «*Historia*» английского монаха Сент-Альбанской обители Матвея Парижского, который так много знал о Руси (ср. Филарет. *Обзор русской духовной литературы*, изд. 3-е, 1884, стр. 62—64); в русской литературе на него обратил внимание уже Н. П. Дашкевич: *Переговоры пап с Даниилом Галицким*, Чт. в *Общ. Нестора Летописца*, 1883, стр. 141, прим. I, не догадавшийся, однако, связать его с деятельностью «скоттов».

³ *Dict. Nat. Biogr.*, vol. XI (1922), p. 942—943; R. H. Inglis Palgrave. *The Rise and Progress of the English Commonwealth, Anglo-Saxon Period, Part I* (Cambridge, 1921), p. 145. О библиотеке Леофрика см.: Th. Wright. *Biographia Britannica Litteraria*. London, 1842, vol. I, p. 38—39; F. J. Snell. *The Age of Alfred*, 664—1154, London, 1912, p. 137—139.

60 манускриптов; 28 из них были на англо-саксонском языке. Из всего этого собрания уцелели лишь «Миссал» Леофрика,¹ находящийся ныне в Бодлеевской библиотеке в Оксфорде (MS. 579) и так называемая «Exeter-Book», идентифицируемая с означенной в инвентарной описи «большой английской книгой о различных вещах, изложенной стихами» («mysel englisc boc be gehwilcum þingum on leoðwisan geworht» . . .); подлинник этого драгоценного кодекса и поныне попрежнему хранится в Экзтере, копия его есть в Британском музее (Addit. MSS. 9067); недавно сделано его роскошное факсимильное воспроизведение.²

Датировка кодекса вызвала в свое время много споров. J. J. Conybeare, в начале XIX ст. впервые опубликовавший несколько отрывков из этой большой рукописи, полагал, что она относится к началу XI в.;³ издавший ее целиком, впрочем неисправно, Benj. Thorpe (1842) отодвигал написание ее к концу X ст.;⁴ позднейшие палеографические наблюдения заставили J. Schipper'а отнести ее к началу XI в.,⁵ а W. Keller'а⁶ — к периоду между 960 и 980 гг.: последняя датировка, с незначительными вариациями, повторялась и другими исследователями, и ее можно считать принятой и в настоящее время.

В Exeter-Book на л. 80a — 81b рукописи, среди других произведений религиозного и дидактического содержания, находится любопытный памятник, не озаглавленный в подлиннике, но обычно называемый издателями «Fæder Larcwidas» — «Отцовские поучения», создание которого предположительно относят к началу VIII ст.⁷ Этот памятник дошел до нас в единственном указанном списке, но, повидимому, был в свое время достаточно

¹ F. Warren, *Leofric Missal*, Oxford, 1883; Earle, *Handbook to the handcharters and other Saxon documents*, p. 253 sq.

² *The Exeter-Book of Anglo-Saxon Poetry*. A facsimile edition with two introductory chapters by R. W. Chambers and M. Forster, London, 1931.

³ J. J. Conybeare. *Illustrations of Anglo-Saxon poetry*. London, 1826, p. LXXVI sq. «The handwriting of the MS. appears but little if at all anterior to the age of Leofric».

⁴ B. Thorpe. *Codex Exoniensis*, London, 1842, p. 300—305.

⁵ J. Schipper. *Zum Codex Exoniensis*. *Germania*. Vierteljahrschr. f. Deut. Altertums-kunde, 1874, Bd. XIX, S. 327—328.

⁶ W. Keller. *Altenglische Paleographie*. I, Berl., 1906 («Palaestra», XLIII, I) S. 40. Конечно, даты владения и дарения рукописи вовсе не должны совпадать с предполагаемой датой возникновения ее; следует также разграничивать вопрос о создании и позднейшей переписке отдельных произведений, вошедших в состав кодекса; все эти вопросы едва ли когда-либо получат удовлетворительное решение. Förster считает установленным, что кодекс возник около 970 г. (*Zum Exeter-Codex — Beiblatt zur Anglia*, 1933, N 4, S. 128).

⁷ Carl Richter. *Chronologische Studien z. angelsächsischen Literatur auf Grund sprachlich-metrischer Kriterien* (Studien z. engl. Phil. hrsg. von Lorenz Morsbach. H. XXXIII, Halle, 1900), SS. 68 u. 110.

распространен, правда, в определенной среде. Как показали исследования, «Отповские поучения» представляют собою своеобразное школьное и воспитательное пособие, специально приуроченное для занятий с подрастающими членами королевской семьи.

Если принять это во внимание и вспомнить при этом, что дошедший до нас список «Отповских поучений» принадлежал епископу Леофрику, близкому к королю Эдуарду, — не покажется слишком смелым предположение, что этот памятник мог быть известен Гите Гарольдовне, так же как и ее братьям, повидимому в 1066 г. едва вышедшим из школьного возраста. Напомним также, что Гита вместе с Леофриком пережила страшную осаду Экстера, о которой так красноречиво повествуют летописцы. Правда, у Леофрика была давняя земельная тяжба с Гарольдом,¹ имевшим значительные владения в западной Англии еще до избрания его королем, но можно думать, что в феврале 1068 г. перед лицом общего врага, осадившего Экстер, Леофрик забыл эти разногласия: как авторитетный представитель высшей церковной власти в городе, он не мог не принять участия в осиротевшей семье Гарольда, в самую критическую пору ее существования; с его разрешения и благословения, семья эта, вместе со многими горожанами и представителями духовенства, должна была погрузиться на корабли в тот момент, когда передовые отряды норманнов проникли в город.

Итак, Гита могла знать «Отповские поучения». Отчего не предположить далее, что уже находясь на Руси, в ту пору, когда ее сыновья от Владимира Мономаха, вместе с первенцем Мстиславом, названным в память деда Гарольдом, достигли школьного возраста, Гита не могла дать своему мужу идею написать аналогичное произведение?

Познакомимся ближе с англо-саксонским памятником.

«*Faeder Larcwidas*», впервые полностью опубликованное у В. Thorpe,² издавалось впоследствии много раз: в 1849 г. — в «*Analecta*» L. Klipstein'a II, S. 222—227; в 1850 г. в книге L. Ettmüller'a «*Engla and Seaxna Scōpas and Boceras*» (*Quedlinburgii et Lipsiae*, 1850, S. 246—248), в 1858 — в «*Bibliothek der Angelsächsischen Poesie*» Chr. Grein'a, II, S. 347—350 (с заглавием «*Faeder larcwidas*»), в 1883 — в «*Angelsächsische Bibliothek*» R. Wülker'a (I, S. 353—357), в 1895 — в составе полной публикации «*The Exeter Book*» Edit. by J. Gollancz (*Early English Text Society, Orig. series, vol. 104, p. 300—305*: в дальнейшем ссылки всюду делаются по этому изданию), наконец у W. I. Sed-

¹ Dict. N. B., XI, p. 943.

² В. Thorpe. *Codex Exoniensis*, London, 1842, p. 300—305.

gefeld, *An Anglo-Saxon Verse book* (Manchester, London and New-York, 1922, p. 109—111); отрывки памятника вошли во многие хрестоматии и учебные книги по англо-саксонской литературе.¹

«Отцовские поучения» — стихотворение в 94 строки, содержание которого составляют десять наставлений; порядковый счет их методически отмечается автором. Начало и конец стихотворения подтверждают, что хотя оно и легко могло подвергнуться переделкам, однако дошло до нас в своем полном виде. Начальные строки памятника читаются так:

1. *Dus frod faeder freo-bearn laerde
mod-snottor [mon] maga-cystum eald
wordum wis-faestum þaet he wel þunge.
Dð a þaette duge deag þin gewyrhtu*
5. *god þe bip symle goda gehwylces
frea and fultum feond þam oþrum
wyrsan gewyrhta wene þec þy betran
efn elne þis a þenden þu lifge
faeder and modor freo þu mid heortan
maga gehwilcne gif him sy meotud on lufan.*

[Дословный перевод]:

1. Так один опытный отец, мудрый сердцем,
Престарелый в мужественных добродетелях, поучал своего
любимого сына
в словах прозорливых, чтобы он мог вырасти счастливым: —
«Делай всегда достойное; если дела твои будут добродетельны,
5. бог всегда будет [с тобою] покровителем и опорой всех
добрых дел твоих и гонителем
твоих худых деяний. Приучай себя к добру!
Упражняйся в добре усердно всю свою жизнь,
отца и мать [своих] люби всем сердцем,
и каждого из твоих ближних, если они чтут Господа».

Первое наставление заканчивается указанием на то, что следует также любить своих учителей (*lareowas*):²

¹ R. Wülker. *Grundriss z. Geschichte der Angelsächsischen Literatur*, Lpz., 1885, S. 230—231.

² «*Lareowas*» употреблено здесь в значении: «instructor, doctor, magister» (Grein-Köhler. *Sprachschatz d. Angelsächs. Dichter*. Heidelberg, 1912, S. 408).

11 wes þu þinum ylðrum arfaest symle
 faeger-wyrde and þe in ferðe laet
 þine lareowas leofe in mode
 þa þec geornast to gode trymmen.

К родителям твоим будь почтителен
 и вежлив и да будут те учителя
 дороги твоему сердцу и душе,
 которые наиболее усердно утверждают тебя в добре.

На основании этих стихов R. Wülker полагает, что произведение это употреблялось в школьной практике.¹ Во втором наставлении предписывается не делать ничего худого ни врагу ни другу, в третьем — избирать себе хороших советников, в четвертом — быть верным друзьям. Пятое наставление содержит целый ряд добрых советов: сын должен воздерживаться от пьянства и сквернословия, которые так часто сопутствуют друг другу, от злобы в сердце и лжи на устах, от любви «чужих» женщин (*fremdre meowlan*, v. 39). Шестое наставление состоит в следующем: учись отличать добро от зла и избирай себе лучшее, седьмое — будь осторожен в речи, «редко веселье мудреца свободно от забот, и точно так же редко пиршество глупца омрачается заботами, если он не испытывает невзгоды»; поэтому осторожный в речах своих благоразумный смертный должен размышлять про себя, в тишине сосредоточенности. Восьмое наставление: надейся на бога, помни о святых и постоянно говори правду; девятое — соблюдай писание и заповеди божии. В десятом, наконец, сказано: кто оберегает себя от грехов на словах и в деяниях своих, тому Господь воздает по заслугам; посему — побеждай гнев, не будь придирчив и двоедушен, но открыт сердцем и приветлив.

«Легко видеть, — замечает Ebert,² — что стихотворение это весьма слабо в отношении своей композиции, на что указывают повторения», недостаточная разработанность его плана; с другой стороны, оно представляет также «весьма незначительный культурно-исторический интерес», так как вместо конкретных указаний, которые имели бы цену бытовых свидетельств, оно вращается в сфере самых отвлеченных предписаний и традиционных добродетелей несложного кодекса христианской морали. Совет воздерживаться от пьянства, по аналогии с другими данными, тол-

¹ R. Wülker. Grundriss, S. 231.

² A. Ebert. Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendlande. Bd. III, Lpz., 1887, S. 86—87.

куют как свидетельство о пороке, весьма распространенном у англо-саксов.¹ Вместе с указанием на гибельность «чужих женщин», два этих неясных стиха представляются единственными, которые с известной натяжкой можно связать с конкретной культурно-исторической обстановкой англо-саксонской жизни. «Отцовские поучения», — замечает, в свою очередь, А. Brandl, — не знают более ни героических, ни придворных идеалов. Они хотят так воспитать молодых людей, чтобы они получили счастье в жизни, советуют им покорность хорошим наставникам, любовь к тем родным, которые преданы богу, и предостерегают от нее по отношению к тем родственникам, от кого бог отвернулся. Автор произведения был, повидимому, духовным лицом. От языческой традиции здесь не осталось уже почти ничего.¹ Из указаний текста памятника на то, что ученик (сын) обладает богатством (v. 5), что о нем заботятся не один, а многие наставники (v. 13), и что он растет для того, чтобы получить власть в свои руки (v. 26), Брандль делает заключение, что стихотворение приравнено для обучения королевича и что, как таковое, оно является древнейшим памятником этого рода дидактических произведений, сохранившихся на английской почве. Слишком общий характер его рассуждений и незначительность интереса его с культурно-исторической точки зрения были, вероятно, причиной недостаточного внимания к нему со стороны исследователей англо-саксонской литературы.

Тен-Бринк² первый высказал предположение, что генетически «Отцовские Поучения» восходят к библейской книге «Притч» Соломоновых. «Идея такого рода произведения, — пишет он, — по крайней мере в общих чертах, могла быть заимствована из книги «Притч» Соломона (*Proverbia Salomonis*), откуда и напоминающие ее предостережения по поводу чужих женщин.³

¹ E. Budde. Die Bedeutung d. Trinksitten in d. Kultur d. Angelsachsen. Jena, 1906, S. 8.

² Alois Brandl. Geschichte der altenglischen Literatur, Strassburg, 1908, S. 22 («Grundriss» Пауля, S. 962). Ср. также Stopford A. Brooke, English Literature from the beginning to the Norman Conquest, London. 1899, p. 206, 326—327.

³ Что касается выражения *fremdre meowlan*, то Тен-Бринк, повидимому, имеет в виду то место «Притч» Соломоновых (V, 16—19), где говорится о «чужих» женщинах; его толкуют как обозначение женщины — прелюбодейки, нарушительницы брачных уставов. Ernest Bertheau. Die Sprüche Salomo's (Kurzgefasstes exegetisches Handbuch zum alten Testament. VII), Lpz, 1847, S. 11—12 сопоставляет указанное слово с другим, близким ему, обозначающим «не принадлежащую дому и тем самым не правомочную женщину», но «nicht die Ausländerin, die nicht-Israëlitin, woran viele denken, meinend dass die Öffentlichen Buhlerinnen vorzugsweise ausländische Frauen gewesen seien (vgl. J. F. Frisch, Commentatio de muliere peregrina apud Ebreos minus honesta habita, 1774); 70 толковников считают «чужую женщину» текста «Притч» персонификацией греха и переводят его произвольно. Англосаксонский термин употребленный в в. 39, в виду его неопределенности, дает повод к различным толкованиям. «Имеются ли здесь иноплеменницы [женщины чужих племен или национальностей] или это выражение имеет здесь особое значение?» спрашивал А. Ebert (op. cit, S. 86). Reinhold Schmid

Стихотворение вводит нас в тот круг средневековой поэзии, для которой богатый материал представляли собою «Дистихи» Дионисия Катона и родственные произведения восточной дидактики. Несмотря на возражение Вюлькера,¹ сопоставление «Отцовских поучений» с книгой притч Соломоновых прочно вошло в научный обиход.²

Другие исследователи, не устранив догадки Тен-Бринка, вместе с тем охотно возводили англо-саксонское «Почтение» к гномической поэзии скандинавов, где в языческие времена подобные же упражнения религиозного характера занимали довольно видное место. «Хорошими примерами могут служить отдельные части древне-северной Эдды, где эти упражнения принимают либо форму пословиц, как в *Hávamál*'е, либо вопросо-ответную форму». В отношении своего формального строения *Faeder Larcwidas* «может быть сравниваемо с *Sigdrifumál* и последней частью *Hávamál*, но содержание его более христианское».³ Действительно, можно предположить самостоятельное происхождение и первоначально раздельное существование позднее присоединенных к *Hávamál*'ю тех частей памятника, которые можно было бы назвать *res domestica* — собрание правил и наставлений общеэпического и домохозяйственного содержания: о путешествии и жизни дома, о чести и любви, о промыслах, торговле, долге гостеприимства, об обращении с женщинами и чужеземцами и т. д.; аналогично содержание так наз. *Lodfafnismál*'я;⁴ отличие англо-саксонского памятника в том, что здесь отец наставляет своего сына. Не следует однако забывать, что в средневековой литературе всего романо-германского мира такого рода «Почтения» были чрезвычайно распространены. Англия не только не составляет исключения в этом отношении, но даже идет впереди многих других стран.

6

«*Faeder Larcwidas*» напомнили Тен-Бринку «Дистихи» Дионисия Катона — одну из первых учебных книг средневековья. Оригинал их, приписанный Д. Катону, создан был около IV в. н. э. Известный нам

(Die Gesetze der Angelsachsen², Lpz., 1858: Antiquarisches Glossar, S. 582—583) указывает, что для понятия «Fremde» англо-саксонский правовой язык имел много обозначений (*fraemde*, *feorgand man*, *feorgan cimen*, *utan cimen*, чаще же всего *aelfeodig*) соответственно много-различным оттенкам смысла: «im engeren Sinne ist nur der Volksfremde fremd; auf ihn bezieht sich vorzugsweise der Ausdruck *aelfeodig*. Aber auch dem *maeg* steht *fremd* entgegen».

¹ R. Wülker. Grundriss, S. 231.

² W. Clarke Robinson. Introduction to our early English Literature. London, 1885, § 59, p. 169—170.

³ The Cambridge History of Engl. Lit., vol. I (1907), p. 62.

⁴ Dietrich. Zu *Hávamál* — Ztschr. f. D. Altert., III (1843), S. 385—432.

латинский текст распадается на две редакции: *Cato major* и *Cato minor*. Первая, прозаическая, состоит из «эпистолы» и «кратких изречений» — числом 57. В «Эпистоле» вслед за «прологом» анонимный автор делает наставления своему сыну, «изречения» же обращены к читателю. *Cato minor* (или *parvus*) представляет собой извлечение из всех четырех книг *Cato major*'а. Популярность этого памятника была совершенно исключительной. В Германии один из ранних прозаических переводов его сделал Ноткер, в конце X ст.; англо-саксонская парафраза его относится, вероятно, к еще более раннему времени, ко второй половине X ст. Громадное количество переработок, пересказов, стихотворных переложений и подражаний дистихам встречается на всем Западе в XI—XIII вв.¹ Специально изучивший английские редакции этого памятника Max Goldberg полагает, что «*Faeder Larcwidas*» имеют столь общее содержание, что нет необходимости ставить их в более тесную зависимость от «Дистихов» Катона, несмотря на то, что отдельные поучения почти целиком соответствуют *breves sententiae* или «Дистихам».²

Знакомство Англии с «Дистихами» Катона в их латинской форме, как полагают, относится к началу IX в.; очень вероятно, что «Дистихи» уже тогда имели распространение в Англии, как учебная книга, но глоссированы они могли быть значительно раньше.³

В X, XI, XII вв. и даже в более позднее время (вплоть до XVI в.) в Англии имели распространение и другие аналогичные «Поучения», взаимное родство и связь которых с «*Faeder Larcwidas*» еще не изучены с достаточной отчетливостью. Укажу, напр., на «*Disciplina Clericalis*» испанского

¹ О латинском тексте: Nauthal. *Catonis Philosophi Liber*, Berolini, 1870; Baehrens. *Poetae latini minores*. Lpz., 1881, III, 221 ff.; G. Némethy. *Dicta Catonis*, Budapest, 1895, 22 ff. Французский перевод «*Disticha*», сделанный монахом Evrard'ом около 1150 г., вероятно, современен переводам Elie of Winchester, анонима и старому лотарингскому (*Ztschr. f. Roman. Phil.*, XIX, 85). Об английских обработках см. еще: M. Forster и A. Napier в *Arch. f. d. St. d. n. Sprachen u. Lit.*, Bd. 117 (1906), S. 17—28, о немецких — теперь Walter Mitzka. *Die deutschen Cato-dichtungen des Mittelalters*. *Ztschr. f. D. Phil.*, Bd., 54, H. I (1929). Подробно литература указана у M. Schanz. *Gesch. d. römisch. Literatur III*² (1905), S. 39 и у Max Manitius. *Geschichte d. lateinischen Literatur der Mittelalters*. Bd. III (München, 1931), S. 713—714; F. Zarncke. *Beiträge z. mittellateinischen Spruchpoesie* (Ber. u. d. Verhandlungen d. K. Sachs. Ges. zu Lpz., *Phil.-hist. Cl.*, Bd. XV, 1863, S. 23—78) издал две латинские стихотворные обработки памятника «*Cato Novus*» и «*Cato Rhythmicus*», идентифицируя последнюю с недошедшей до нас английской работой Роберта Большоголового (Robert Grosset, S. 49); «Дистихам» родственна «*Ethica Ludolphii*» (издана R. Peiper'ом в *Beiträge z. lateinischen Catoliteratur — Ztschr. f. D. Phil.*, Bd. V, 1874, S. 165—186), сохранившаяся в ряде рукописей XIII—XIV вв., где также отец поучает своего сына.

² Max Otto Goldberg. *Die Catonischen Distichen während des Mittelalters in der englischen und französischen Literatur*. I. *Der Englische Cato*, Lpz., 1883, S. 11.

³ M. Goldberg. *Die Catonischen Distichen*, S. 11 f.

еврея Моисея или Петра Альфонса, принявшего христианство в 1106 г., в которой та же форма несколько осложнена. Отец поучает своего сына не прямо, но облакает свои наставления в форму диалогов между другими лицами, как, напр., между двумя арабскими философами и их сыновьями, между неким *magister*'ом и его *discipulus*'ом. Сложность этого обрамления увеличивается еще тем, что произведение состоит не из одних наставлений, но в него, для иллюстрации и оживления отдельных моральных уроков включены целые рассказы из различных восточных и классических источников.¹

Апокрифическое поучение короля Альфреда своему сыну мы находим также в третьем отделе так наз. «Пословиц Альфреда», очень популярных в Англии, начиная с XI в.² Та же ситуация в заключительном отделе стихотворения, известного под заглавием «*Ratis Raving*», где отец, обращаясь к своему дорогому сыну и приглашая его почаще читать эту книгу, дает ему ряд традиционных наставлений о пороках и добродетелях:

My dere sone, wnderstande this buk,
How study and reid It oft, and luk
Her fal þow fynd thi faþeris entent
To the lefte in amendement,³ etc.

В рукописи более позднего времени до нас дошло множество подобных английских «Поучений», из которых, по крайней мере, некоторые созданы гораздо раньше, чем скопированы в дошедших до нас списках.⁴ В отдель-

¹ M. Manitius. *Geschichte d. lateinischen Lit.*, Bd. III (1931), S. 274—279, *Disc. Clericalis*, ed. A. Hilka u. W. Söderhjelm (*Acta Societatis Scientiarum Fennicae*, 38, Helsingfors, 1913), p. XI—XIV: перечень рукописей, находящихся в Англии.

² *Old English Miscellany*, ed. W. Morris. London, 1872, p. 102.

³ *Ratis Raving and other Moral and Religious Pieces in Prose and Verse*. ed. by J. Rawson Lumby. Lond. 1870 (*Early Engl. Text Soc.* vol. 43), p. VIII; ср. Brown. *The author of Ratis Raving* (*Bonner Beitr. z. Anglistik*, 5, 1900) и Ostermann, *Gramm. Untersuchungen mit Rucksicht auf Verfasser-Frage der 3 sogenannten Ratis-Raving Gedichte*, Diss. Bonn, 1902.

⁴ Средне-английские «Поучения» отца к сыну изданы F. I. Furnivall'ем в «*The Babees Book*» (London 1868) и в «*Queen Elisabethes Achademy*» (London, 1869, *Early Engl. Text Soc. Extra S.*, VIII). Здесь мы находим: «*Stans Puer ad Mensam*» (*Babees Book*, I, 27), «*On the Manners to bring one to Honour and Welfare*» (там же I, 34), «*John Russels-Bok of Nurture*», там же, I, 117), «*Proverbs of good counsel*» (*Queen Elisabethes Achad.*, I, 68), «*Sir Peter Idle's Directions to his son*» (в выдержках, там же I, 68). Далее сюда же относятся «*Book of Curtesye*», в трех текстах, изданных Furnivall'ем (London, 1868), где автор обращается к «*littile childe*» или «*lytlyl John*». Здесь же следует упомянуть о двух стихотворениях, в которых отец поучает своего сына — в Кембриджской ркп. (Lumby, *Ratis Raving*, p. VIII), наконец, об анонимном стихотворном поучении, которое R. Fischer («*How the wyse man thought hys sone*» in *drei texten* — *Erlanger Beitr. z. engl. Phil. hrsg.* H. Varnhagen, II, 1889) издал по трем текстам: древнейший из них, оксфордский, относится к началу XVI или концу XV в. В нескольких

ных случаях исследователи пытаются установить сходство этих произведений с интересующим нас англо-саксонским «Fäder Larcwidas», которое, во всяком случае является одним из наиболее ранних образцов этого впоследствии установившегося литературного рода,¹ особенная популярность которого в Англии, кстати сказать, приходится как раз на то время, когда свое «Поучение» создавал Владимир Мономах. В других случаях приходится предполагать недошедшие до нас промежуточные редакции, которые в конечном счете восходят или к «Fäder Larcwidas» или же к какому-нибудь сходному произведению, имевшему распространение в Англии уже в англо-саксонскую эпоху.

В других литературах средневекового Запада мы также находим аналогичные произведения. Так, напр., во Франции, кроме распространенных с XII в. «Дистихов» Катона мы встречаем и самостоятельные произведения в форме назидательного обращения к сыну или детям: таковы «Enseignements» Людовика Св., внесенные Жуанвиллем в его хронику; это поучение разделено на 36 параграфов и многие из них имеют единообразное начало: *cher fils, très douz fils*: и т. д.;² к XIII в. относится «Castoïement d'un père à son fils»: ряд стихотворных повестей, излагаемых отцом в назидание своему сыну.³ В Германии в то же время (в XIII в.) пользуются популярностью «Советы (рыцаря) Винсбеке к своему сыну» и параллельные им советы матери к дочери, обычно называемые просто: «Der Winsbeke» и «Die Winsbekin», при анализе которых обычно вспоминают также дидактические части средне-верхне-немецких эпосей.⁴

рукописях известны также поучения матери к своей дочери (см. Furnivall, Q. Elis. Achad. I, 44 и Barbour's Bruce. ed. Skeat, vol. II, Scott. Text Soc., 32, p. 21), «How the good wife taught her daughter», которые, как полагают, восходят к какому-нибудь французскому источнику, вроде «Échecs amoureux», (G. Körting. Grundriss. d. engl. Phil., Münster, 1905, S. 140—141, Anm. 2). Наконец, к концу XV в. в Шотландии сделана была стихотворная парафраза (на шотландском диалекте) латинского письма Бернарда Клервосского (1091—1153) к некоему Раймунду, «castris Sancti Angeli Dominus», которая может быть отнесена к этому же роду произведений: в нем дается ряд наставлений о домашнем хозяйстве, советы о том, как обращаться со слугами, с женой, с детьми и т. д. См. Bernardus de cura rei familiaris, ed. by R. Lumby, London, 1870 (EETS, 42), p. V—VI.

¹ R. Fischer. «How the wyse man thought hys sone», S. 11—12.

² См. о них R. P. Cros. Vie intime de Saint-Louis, roi de France. Toulouse, 1872 и текстологическое исследование: N. de Wailly. Joinville et les enseignements de St. Louis à son fils. Bibliothèque de l'École de Chartes, 1872, t. XXXIII, 386 яд. Здесь же напечатан «texte restitué» самых «Enseignements» (p. 424—442).

³ Barbazan et Méon. Fabliaux, Paris, 1808, t. II.

⁴ F. I. Furnivall. Q. Elis. Achademy. London, 1869, vol. II, приложение; E. Oswald. Early German Courtesy Book, p. 140; Moritz Haupt. Der Winsbeke und die Winsbekin. Lpz., 1845; Denicke. Die mittelalterliche Lehrgedichten Winsbeck und Winsbekin in kulturgeschichte l Beleuchtung, 1900.

Много позднее даже в молодой румынской письменности мы находим сходное по форме произведение: «Слова показательные воеводы Валашского Иоанна Нягоя к сыну Феодосию» (XVI в.),¹ связанные уж однако не с германо-романской литературной традицией, а с славянской, в свою очередь традиционно возводимой к византийской.

Все эти указания подтверждают международную распространенность «Поучений» отца к сыну или детям и их огромную популярность во всех отдельных литературах Запада. Но все же нигде эти поучения не получили столь широкого и столь раннего распространения, как в Англии, где увлечение ими возникает уже в англо-саксонскую эпоху. Интересно, что в Англии, столь открытой в средние века континентальным литературным влияниям, кроме латинских поучений, были известны и французские «Casteiement» и немецкие их аналогии и даже византийские: так, известное в византийской литературе поучение отца к сыну, называемое обычно «Spanea», сохранилось в оксфордской рукописи в редакции, значительно отличающейся от обычной; отчасти с ней сходствует и та, восходящая к южно-славянским переводам русская редакция памятника, которая открыта была акад. Н. К. Никольским в изданной Е. В. Петуховым под видом оригинального русского произведения рукописи.²

В другом месте, перечислив множество подобных «Поучений» в русской литературе, из которых еще далеко не все изданы, Н. К. Никольский совершенно правильно замечает, что для выяснения вопроса о происхождении древнейшего из русских памятников этого рода — «Слова некоего отца к сыну своему» Святославова Изборника 1076 г., «требуется еще долгий пересмотр аналогичных (не только по форме, но и по содержанию) наставлений, встречающихся в византийской и славянской литературах как в разных житиях, так и в виде отдельных «Поучений»;³ быть может сделан-

¹ Издано П. А. Лавровым в Пам. Древн. Письм., СЛП. Ср.: А. И. Яцимирский. Волошский Марк Аврелий и его поучения. Изв. ОРЯС, 1905, IV, стр. 339—374.

² Jean Psichari. Le poème à Spanéas. Mélanges Renier. Paris, 1887 (Bull. de l'École des Hautes Études, fasc. 73), p. 267—269, 281—283; V. Jagić. Das byzantinische Lehrgedicht Spaneas in der Kirchenslavischen Übersetzung. Sitzungsber. d. k. Akad. d. Wiss. (Wien), Phys.-hist. Cl., Bd. CXXVII, 1892, S. 1—42. Как показал Н. К. Никольский (Общ. люб. древн. письм.: Библиографическая летопись, II, 1915, стр. 71—73), изданная Е. В. Петуховым ркп. XVI в. «Жалости праведного спасения, како учеша жалости сына своего» (Mat. и зам. из ист. древн. русс. письменности, вып. II, СПб., 1905, стр. 16—24: «Одно из поучений отца к сыну») есть не что иное, как «Spanea». О «Spanea» см. К. Krumbacher. Geschichte d. Byzantinischen Literatur, München, 1891, S. 213, S. 397—398; здесь же см. и о других византийских поучениях: царя Василия I к его сыну Льву (§ 88, S. 187) IX в. и более поздних произведениях К. Манассии, Георгия Лапифа, Марка Дефарана (S. 370, 382, 410).

³ Акад. Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений, X—XI вв., СПб., 1906, стр. 203—205. К длинному перечню поучений, извест-

ный выше краткий перечень приведет к желательности включить в этот обзор также литературные памятники германо-романского мира. Еще недоступная для нас, при обширности и разбросанности материала, общая литературная история поучений отца к сыну в мировой средневековой литературе позволила бы несомненно построить единую (несмотря на многочисленные разветвления) цепь их, где в качестве отдельных звеньев ее нашли бы свое место памятники византийские и латинские, славянские, романские и германские; только установив эту общую цепь и можно было бы вполне уверенно говорить о непосредственном или косвенном родстве таких памятников, каковы «Поучение» Владимира Мономаха, с одной стороны, и англо-саксонские «Fæder Lagcwidas» — с другой. Я не ставил себе такой непосильной задачи, но думаю все же, что в ожидании такой историко-литературной работы устанавливаемая мною аналогия между англо-саксонским и древне-русским памятниками может иметь интерес с другой стороны. Она может оказаться важной прежде всего для решения вопроса о форме «Поучения» Владимира Мономаха. В исследовании этого вопроса большое значение должны иметь именно литературные аналогии, благодаря которым, повидимому, только и можно реконструировать сильно разрушенный временем первоначальный вид произведения Мономаха; среди них особая роль должна принадлежать именно такому раннему памятнику как «Fæder Lagcwidas» (VIII в.), который старше многих не только латинских, но и византийских памятников этого рода. Сопоставление его со стороны его формального строения с «Поучением» Мономаха может привести, как мне кажется, к некоторым небезинтересным результатам.

7

«Поучение» Владимира Мономаха принадлежит к числу тех памятников древне-русской письменности, которые особенно трудно поддаются

ных в русских списках XI—XVIII вв., недавно прибавилось изданное В. Н. Перетцом (Виршевой Домострой в списке нач. XVIII ст. — Сб. статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 17—28) «Наказание от некоего отца к сыну своему дабы он подвизался о добрых делах выну». Издатель относит его ко второй половине XVII в., между прочим и на основании стихотворной формы его, неизвестной более раннему времени. Соблазнительно указать по этому поводу, что большинство западноевропейских произведений этого рода до XVI в. включительно имеют именно стихотворную форму. Не позволит ли это обстоятельство искать источника этого памятника не в русской литературе, а в западноевропейской? Одно из подобных русских поучений, писанное не ранее середины XVI в. («Поучение и наказание от отца к сыну, како ему жити подобает»), издано А. В. Марковым в Известиях Тифлиссских Высших женских курсов, кн. I, вып. 1, 1914, стр. 156—158.

исследованию. Сохраненное в Лаврентьевском списке летописи¹ под 6604 (1096) г. в явно неисправном виде, с пропусками, искажениями и перестановками, вставленное сюда чисто механически между ничем не связанными с ним сказанием о происхождении половцев и рассказом Гюряты Роговича об Югре, наконец, искусственно объединенное переписчиком с другими «бумагами Мономаховыми», как их назвал Карамзин (ИГР, II, прим. 77) — посланием к Олегу Святославичу, выписками из «книг княжих» или случайными набросками неизвестного или недостаточно ясного назначения — «Поучение» в том в виде, как оно дошло до нас, вызывает ряд трудно разрешимых вопросов. Доныне исследователи не сходятся в решении таких основных проблем, каковы, напр. объем «Поучения» в смысле текста или дата его написания. Иным они казались даже и вовсе неразрешимыми, если случай не доставит в наше распоряжение иной список «Поучения» вместо того «несомненно испорченного, во многих местах темного и даже частью разрушенного», какой мы имеем в летописи.² Вопросами критики текста «Поучения» занимались С. Протопопов, И. Ивакин, Н. Шляков и другие, и их исследования позволили с достаточной определенностью отделить от «Поучения» явно не принадлежащие ему части.

Еще первый издатель «Поучения» Мусин-Пушкин (1793), говоря о письме Мономаха к Олегу, заметил, что оно «отнюдь не принадлежит к завещанию оному, но летописатель, имея то и другое в руках, счел за одно сочинение и вместил в летопись под одну главу»; о помещенных вслед за тем отрывках он же говорит: «за сим следует молитва, которая, хотя, повидимому, к поучению или к Посланию к Олегу... и не принадлежит, но как она в летописи под одною статьею написана, то потому и здесь (г. е. в его издании) помещается». Последующие исследователи не только соглашались с таким выделением из дошедшего до нас текста двух ему не принадлежащих частей, но шли дальше Мусин-Пушкина по тому же пути. «Нельзя с точностью решить, где кончается «Поучение» и начинается «Послание к Олегу», — замечает С. Протопопов, — потому что между тем и другим находятся общие места без указания на какой-либо определенный предмет речи... Очевидно, что между «Поучением» и «Посланием» есть пропуск, для которого в Лаврентьевском списке оставлено место строки на

¹ Летопись по Лавр. списку, изд. 3-е, СПб., 1897; стр. 232—246. Отметим кстати, что «Поучение» недавно переведено на английский язык в составе Лавр. списка летописи (по изд. Е. Ф. Карского, Л., 1926) и с приложением исследования: *The Russian Primary Chronicle. By Samuel H. Cross, Cambridge, 1930.*

² Е. Ф. Будде. Летопись по Лаврентьевскому списку. Русск. Фил. вестн., 1898 № 1—2, стр. 233.

четыре».¹ Сходное наблюдение делает и Н. В. Шляков: «Очевидно, в нашем экземпляре «Поучения», экземпляре, как видно по пропуску 4½ строк в начале и смещению «Поучения» с письмом к Олегу, очень неисправном, произошла утрата соответствующих мест;... утрачен целый лист одной тетради».² И. Ивакин из дошедшего до нас текста выделяет еще несколько частей, как не принадлежащих к «Поучению»: 1) гадальные выписки из Псалтыри, 2) выписки из правил Василия Великого и «неизвестно откуда взятое обращение к Богородице», 3) отрывок от слов «что есть человек»... до слов «да будет проклят». «Только тогда, — говорит он, — получится то, что следует назвать поучением Мономаха в тесном смысле или как называет его сам автор — грамотицей».³

Вчитываясь в полученный таким образом текст, мы, однако, и в нем не находим достаточного единства; напротив того: он возбуждает в нас новый ряд недоумений. Если собственно «Поучение» начинается со слов: «Си словца прочитаюче, дети моя»..., то со слов «А се вы поведаю, дети моя труд свой, ож ся есмь тружал, пути дея и ловы»... начинается то, что можно было бы назвать «Автобиографией» Мономаха. Составляет ли эта заключительная часть одно целое с первой частью? Ивакин ответил на этот вопрос утвердительно. Изложив содержание первой части, он замечает, что ее «следует назвать учительной по преимуществу, причем о второй, автобиографической, надо заметить, что она с первой имеет тесную связь и служит ей дополнением, иллюстрацией» (op. cit., стр. 1—2). Такого же мнения держится и Н. Шляков, да и вообще сомнения в неслитности этих частей еще, кажется, никем не были высказаны. Однако, мне представляется в достаточной степени вероятным, что эти части принадлежат к совершенно раздельным произведениям, столь же случайно объединенным вместе, как и «Поучение» объединено было с письмом к Олегу. Общность мыслей первой и второй части сама по себе еще не говорит за то, что мы имеем одно целое; скорее — наоборот: она приводит к повторениям, которые литературно-образованный человек, каким мы привыкли считать Мономаха, мог и должен был избежать. Кроме того, едва ли Мономаху могла притти в голову нескромная и просто нехристианская мысль — иллюстрировать наставления и нравственные сентенции первой части о том, как должно жить праведно и благоразумно, подробным, чуть не погодным

¹ С. Протопопов. Поучение Владимира Мономаха. ЖМНП, 1874, № 2, стр. 234.

² Н. В. Шляков. О поучении Владимира Мономаха. СПб. 1900, стр. 32.

³ Ивакин, op. cit. Об испорченности текста памятника см. еще замечания А. Соболевского. Одно место в «Поучении» Мономаха. Филологич. записки, 1900, вып. III, стр. 1—2.

изложением своей жизни, даже в случае ее предполагаемого, но отнюдь не действительного, соответствия тем высоким требованиям, какие внушает Мономах в первой части. Это могло казаться правдоподобным только тем исследователям, которые исторический образ Мономаха воссоздавали на основании его же «Поучения» и тем самым превращали его в иконописный. Но даже в случае тесной связи обеих частей «Поучения» должно заметить, что автобиографическая часть иллюстрирует очень немногие положения первой части, главным образом идеал деятельной жизни. Наконец, если Мономах рассчитывал на то, что его «грамотица» будет известна и постороннему читателю, не только княжеской семье, на что есть намек в тексте («Да дети мои или ин кто, слышав сию грамотицю не посмеитесь»...), то едва ли уместны были в ней столь подробные и, скажем прямо, столь интимные детали его военной или охотничьей жизни, даже в том случае, если эта грамотица оказалась бы завещанием или предсмертной исповедью. Это бросилось в глаза и И. Ивакину, который своеобразие «Поучения» и его отличие от других аналогичных памятников христианской литературы видел в обилии в нем автобиографических подробностей. Вот, что он говорит по этому поводу: «Бытовые подробности настолько характерны, что ни на мгновение не дают усумниться, что писавший — русский князь... Является вопрос: это обилие автобиографических черт обязано ли своим происхождением оригинальному замыслу автора или же оно — плод подражания? Без сомнения возможно и первое и второе, но второе, думаю, потому возможнее, что среди известных уже в XI в. произведений наверное были и такие, в которых наряду с назиданием являлись черты автобиографические, как дополнение, как иллюстрация к нему. Как на образец в этом отношении для грамотицы исследователи давно уже указывали на заветы 12 патриархов, или точнее на завет Иуды» (стр. 12). С моей точки зрения, Ивакин ошибается. Известные нам аналогичные произведения христианской литературы состояли почти всегда из одних наставлений, представляя собою поучение в собственном смысле. Относительно «Слова некоего отца» в Изборнике Святослава 1076 г., которое издавна бездоказательно причисляется к русским произведениям домонгольской эпохи,¹ вопрос неясен именно потому, что оно не содержит никаких указаний на русскую действительность; относящееся к XI или XII в. византийское дидактическое стихотворение «Спаинеа» (о нем см. выше) так скупо в этом отношении, что не позволяло долго решить, кем оно написано и к кому обращено: на ту же особенность англо-

¹ Ср. мнения А. Е. Викторова, Е. Голубинского, Филарета и др. Литература указана у акад. Н. К. Никольского. Материалы, стр. 203.

саксонского памятника я уже указывал. Примеры можно значительно увеличить: ни одно из указанных мною «Поучений» — латинских, английских, французских — не имеет такой иллюстративной, автобиографической части, и понятно почему: в большинстве случаев мы имеем дело не с подлинными родительскими поучениями, а лишь с фикциями отца, сына, детей, оживляющими и конкретизирующими голый дидактизм произведения, с литературным приемом, традиционно повторяемым несколько веков подряд. Но суть даже не в этом, а в том, что перед нами во всех этих случаях чаще всего учебные, школьные пособия, принаровленные для обучения грамоте; когда это пособие, при всех своих воспитательных достоинствах, казалось слишком сухим, его оживляли другим путем, вставляя добавочные эпизоды, с новыми фикциями беседующих или целые назидательные повествования, но акцентируя их моральный смысл. Ничего подобного мы не встречаем в «Поучении» Мономаха, где вслед за собственно «поучительной» частью идет «автобиография», из которой трудно извлечь какой-либо нравственный урок. Ссылка же на «Заветы 12 патриархов», мне кажется, только запутывает дело. Эта параллель приналежит И. Я. Порфирьеву. «Вторая часть» „Поучения“ Владимира Мономаха, — говорит он, — очень сильно напоминает завет патриарха Иуды в Заветах 12 патриархов. Очень может быть, что Заветы были известны Мономаху по Палее, в которую они могли быть вставлены, если не самим ее составителем, то ее славянским переводчиком. Может быть и самая форма «Поучения» Мономаха, имеющего характер завещания, образовалась под влиянием заветов, внушивших Мономаху мысль написать подобное завещание своим детям. Заметим, что Мономах, подобно патриархам, в подкрепление своих наставлений также указывает детям на свою жизнь».¹

Таким образом оказывается, что лишь то, что мы называем «Автобиографией» Мономаха имеет сходство с «заветами» и лишь на основании этого сходства делается предположение, что она первична по замыслу, тогда как с точки зрения Ивакина как будто выходило наоборот: автобиография «иллюстрирует» и «дополняет» поучение. Однако, есть ли какое-нибудь психологическое вероятие в том, что вдохновленный «Заветами» на создание аналогичного произведения Мономах разбил бы свой «завет» на

¹ И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях., Спб. 1877, стр. 16; ср.: П. Лавровский. Обзор ветхозаветных апокрифов. Духовн. вестн., 1864, XI, стр. 346—347; см. еще Charles, R. H. The Greek versions of the Testaments of the twelve patriarchs. Ed. from nine mss. together with the variants of the Armenian and Slavonic version. Oxford, 1908.

столь рознящиеся друг от друга части, из которых только одна воспроизводит полюбившуюся ему форму?

Правдоподобно ли, кроме того, что Мономах сначала сделал общее поучение, а потом рассказал свою жизнь, а не поступил наоборот? Ведь именно собственно «Почтение» и должно было быть итогом и заключением правдивого рассказа о своей жизни. Так, вопрос об объеме текста Мономахова «Почтения» в конечном счете сводится к вопросу о форме памятника. Естественно, что в решении этого вопроса наибольшую, если не единственную роль, при отсутствии других данных, может сыграть литературная аналогия или разыскание непосредственных источников произведения. И хотя в поисках тех и других сделано уже очень много, но все эти параллели не убеждают именно потому, что вопрос о форме памятника редко ставился во всей его остроте. До сих пор не условились, чем собственно является «Почтение» — поучением ли, завещанием, автобиографией или даже дневником? В зависимости от того, как будет решен этот вопрос, мы и сможем судить о том, какая из его двух частей первичнее по замыслу или по написанию, и также о том — в какой группе источников легче подыскать ему наиболее близкую аналогию.

Большинство исследователей склонны были в «Почтении» Мономаха видеть его завещание. Уже первый издатель его А. Мусин-Пушкин придерживался именно такого мнения. Заглавие его издания: «Духовная великая князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в летописи суздальской Почтение» (СПб. 1793). «Завещанием детям» называет памятник и Ивакин (стр. 7). С такой точки зрения и возможно было сопоставление «Почтения» с «заветами» патриарха Иуды. М. П. Погодин предпочитал поучение называть «автобиографией»,¹ А. А. Шахматову же представлялось, что «здесь мы имеем перед собою скорее не поучение, а Дневник Мономаха, его летопись».² Не предпрешая окончательное решение этого вопроса, хочется обратить внимание еще на один факт. Случайно ли заглавие («Почтение»), присвоенное произведению в летописной его редакции? Ведь сам автор называет его также грамотицей. Произвольный ли это домысел переписчика или лишнее указание на искусственное объединение различных по своему назначению произведений? По некоторым данным мы вправе думать, что и сам Мономах употребил, по крайней мере дважды,

¹ М. Погодин. Образование и грамотность в древнем периоде русской истории. ЖМНП, 1871, январь, стр. 28.

² См. изложение доклада А. А. Шахматова в Археол. изв. и заметках, 1897, № 1, стр. 88—89.

в своем тексте слово «Поучение» вместе со словом «грамотица».¹ Не возможно ли отсюда предположить, что перед нами и «грамотица» и «Поучение», искусственно слитые вместе? Не дают ли на это некоторое право и те места текста, которые как будто намекают на различные цели двух, в настоящее время слитых, но некогда раздельно существовавших произведений? В одном месте говорится: «Да дети мои или ин кто, слышав сию грамотицу», в другом — «си словца прочитаюче, дети моя»; словно Мономах в одном случае обращается к слуху неграмотного человека, а в другом к зрению грамотея. . .

8

Мы подходим к заключительному вопросу нашего исследования, который вновь возвращает нас к англо-саксонскому памятнику. Если бы удалось доказать, что собственно поучение и «автобиография» Мономаха не составляют цельного произведения, а были объединены переписчиком, подобно тому, как это сделал он с автобиографией и письмом к Олегу, то тем самым аналогия между древне-русским и англо-саксонским поучениями показалась бы еще более интересною. Тогда существующее между ними сходство могло бы распространяться и на те цели, какие преследовали оба этих произведения, на их служебное назначение. Англо-саксонское, как уже было указано, было, вероятно, создано для того, чтобы служить для обучения и воспитания королевича. Быть может, оно служило своего рода школьным пособием, по которому упражнялись в грамоте, усваивая в то же время несложный кодекс христианской морали и получая самые общие наставления относительно будущего поприща: ведь в ту эпоху, и у англо-саксов и на Руси быть хорошим королем, по мнению церковников, значило прежде всего быть добрым христианином. Не могла ли для той же цели великокняжеской «школы» служить и «грамотица», как ее называет Мономах? Недаром с давних пор его «Поучение» причислено к самым ранним памятникам русской педагогической мысли.² Не был ли это своего рода учебник, написанный Мономахом для своих детей от Гиты Гарольдовны? Тогда и соседние цитаты: из Василия Великого (взятые, вероятно, из «Изборника» 1076 г.), из Триоди и особенно из «Псалтыри», учебная роль которой на Руси известна, превращает «Поучение» в своеобразную школь-

¹ Е. Будде в Русск. Фил. вестн., 1898, стр. 238—239 по позднему списку реставрирует предполагаемое начало «Поучения»: «. . . се пишу поучение вам» и т. д.

² М. И. Демков. История русской педагогики, ч. I. Древне-русская педагогика (X—XVII в.). Ревель, 1896, стр. 45—47; Он же. Влияние западно-европейской педагогики на русскую. ЖМНП, 1910, кн. 5, отд. III, стр. 29—30.

ную хрестоматию, и центральное место в ней занимает отрывок собственного сочинения Мономаха.

«Поучение» в его целом виде датировали различно, притом всегда исходя из его автобиографической части, М. Погодин и С. Протопопов — 1099 г., Шляков — 1106 г., Ивакин — между 1118 и 1125 гг. Но если принять предположение о раздельности «Поучения» и автобиографии, то все эти датировки падают для «Поучения» в его тесном смысле. Поэтому оно могло быть написано и раньше; ведь объединено же оно с письмом к Олегу, несомненно написанным в 1096 г. К этому времени сыновьям Мономаха от Гиты было: старшему Мстиславу 20, а младшему Изяславу 16, если оставить в стороне Юрия, о магери которого спорят. Нельзя ли тогда отнести создание поучения к несколько более раннему времени, к периоду их школьного возраста? Возможное знакомство Гиты с «Fäder Lagewidas», на которое было указано выше, косвенно подтверждает догадку. Англо-саксонские женщины, как мы видели, часто сами заботились о литературном образовании своих детей, и Гита не должна была составить исключения. Именно она могла внушить Мономаху мысль написать такое же поучение, какое сама должна была узнать незадолго до отъезда своего из Англии. Трудно думать, чтобы любивший свою жену Мономах не воспользовался бы ее советами и помощью в деле воспитания своих сыновей, тем более, что при его деятельной военной и государственной жизни, досуга на это оставалось немного. Первенец Гиты Мстислав, носивший свое второе имя Гарольда в честь деда своего — английского короля, севший на киевский стол после смерти Мономаха, мог, во всяком случае, не только по имени быть обязанным англо-саксонской культуре. При нем могли быть и воспитатели англо-саксы, которые и раньше, еще при Ярославе, должны были встречаться на Руси. Не исключена возможность, что и сам Мономах знал англо-саксонский язык: мог же он в «Поучении», говоря о своем отце Всеволоде, с гордостью заявить, что тот «дома седя изуменяше пять язык» и прибавить: «в том бо честь есть от иных земель», уж, конечно, не русских, а западно-европейских.¹ Если Мономах столь явственно доказывает образовательную ценность иностранных языков и возможность научиться им «дома седя», наверно в его семье были способы получить эти знания, конечно, от специальных наставников.

¹ Ср. Ивакин, *op. cit.*, стр. 137—138; Н. П. Голубовская (Владимир Мономах, стр. 99) *думает*, что ему «мог быть знаком язык скандинавский, а может быть и немецкий (?), потому что женою его была дочь английского короля. . .»

Детальные сопоставления «Поучения» Мономаха и англо-саксонского памятника приводят к заключению, что в них много общего: примерно одинаковым является их объем, сходны характер отдельных наставлений, пожалуй даже порядок их следования. Первая часть Мономахова «Поучения» говорит об отношениях к Богу; в том же поучает англо-саксонский памятник: «так один опытный отец, мудрый сердцем, престарелый в мужественных добродетелях, поучал своего любимого сына в словах прозорливых». . . (см. выше, стр. 62—63): «упражняйся в добре так долго, как ты будешь жить». . . У Мономаха: «паче всего гордости не имейте в сердца и в уме, но рцем: смертны есмы». Далее Мономах наставляет: «старыя чти яко отца, а молодые яко братью»: то же и англо-саксонском памятнике: «отца и мать люби всем сердцем и каждого из близких твоих, если они чтут господа» (9 sq.: faeder (and) modor freo þu mid heortan maga gehwylcne gif him sy meatud on lufan); «Fäder Larcwidas» тут же говорит о необходимости любить наставников своих, «Iageowas» (см. выше, стр. 62) и, словно перекликаясь с ним, Мономах наставляет любить наставников духовных: «любовью взимайте от них благословенье и не устраняйтесь от них и по силе любите и найдите, да примете от них молитву». . . В «Fäder Larcwidas»: «Блуди себя от пьянства и сквернословия, от греха в сердце и лжи на устах твоих, от гнева и зависти и от любви женской; ибо тот влачит свою жизнь, униженный в мыслях, кто уступает любви женской, любви чужой девушки» (34 sq.: druncen beorg þe [and] dollic word mán on mode [and] ín muþe lyge yrre [and] aefeste [and] idese lufan forðon sceal aewisc-mod oft sibian se þe gewited in wifes lufan fremdre meowlan. . .).

Мономах говорит о том же, лишь менее распространено: «лжи блюдитесь и пьянства и блуда: в том бо душа погыбаеть и тело». В «Fäder Larcwidas» те же мысли еще раз высказаны в десятом поучении: «Десятый раз, полный мучительных забот, престарелый муж вновь начал учить своего сына: тот мудр, кто ради своей души блюдет всегда себя в своем сердце от зла в словах и делах и способствует истине. Для того всякий дар будет умножен Господом, и могущество его возрастет, если он будет бежать от порока. Не позволяй гневу, бездне неистовых слов, волнующейся в груди твоей, овладеть тобой и осквернить тебя своими захлестывающими волнами; человек должен оберегать себя от гнева в своей отважной душе, если он мудр, воздержан и пронизателен умом своим, чист мыслями и жаждет мудрости. Не будь склонен к хуле, не будь двоедушным, не допускай к своему сердцу людей недостойных, будь любящим и радостным духом и в сердце своем, сын мой, помни отца твоего благоразумное учение и

всегда воздерживайся от греха». (76 sq.: *Teoþan siþe torn-sorgna ful eald eft ongon eaforan laeran snyttra biuceþ þe fore sawle lufan warnað him wommas worda [and] daeda on sefan symle [and] soþ fremed bið him geofona gehwile gode geuced meahum spedig.¹ þonne he mán flyhd yrre ne laet þe aefre gewealdan heah in hreþre heoro-worda grund wylme bismitan ac him warnað þaet on geheortum hyge haele sceal wisfaest [and] gemetlice modes snottor gleaw in gehygdum georn wisdomes swa he wið aelda maeg aedes hleotan. ne beo þu no taelende ne to tweo-spraece ne þe on mode laet men to fracofe ac beo leofwende leoht on gehygdum ber breostcofan swa þu min bearn gemyne frode faeder lare [and] þec a wið firenum geheald).*

Когда Мономах говорит: «Добре же творяще, не мозите ся ленити ни на что же доброе»... он словно повторяет несколько раз подчеркнутую в англо-саксонском памятнике мысль: «Упражняйся в добре усердно так долго, как ты будешь жить» (v. 7). Англо-саксонский совет зорко приглядываться к своим советникам (v. 24—25) находит себе аналогию в наставлении Мономаха: «не зрите на воеводы»; тут «*Fæder Larcwidas*» формулирует демократическую мысль, что добрым советником может быть всякий, без различия своего звания и состояния (v. 25—26: *laga gaed-hygcende su umþ rice swa hit maege*), которая высказана и у Мономаха в соседних строках в форме совета о гостеприимстве. В высшей степени замечательно, что в «Поучении» Мономаха, впервые в русской литературе, в отличие от аскетических византийских поучений, защищается ценность звания вообще («Его же умеючи, того не забывайте, а его же не умеючи, тому ся учите...»). Где как не в школьном пособии уместнее всего было поместить такую мысль? Тут же говорится о лени и высказан знаменитый педагогический афоризм: «леность бо всему мати». В основание всей деятельности человека Мономах ставит благочестие и труд: именно таков же идеал, выдвигаемый англо-саксонским произведением.

Итак, между обоими памятниками много общего. Конечно, сходятся общие места, которые можно встретить и в бесчисленных других произведениях христианской литературы, но важно то, что обоим произведениям придана сходная форма. Я не берусь доказать, что в основе этого сходства лежит непосредственное заимствование; для такого заключения у нас слишком мало данных. Возможно говорить, наконец, о существовании общего

¹ В этом стихе (82), как и в последующих (85.93), я принимаю для перевода разъяснение и поправки James W. Bright. *Notes on Faeder Larcwidas «Modern Language Notes»* vol. X, 1895, p. 136—137.

для них источника; это «Притчи» Соломоновы. «Fäder Larcwidas» в связь с «Притчами» поставил Тен-Бринк (см. выше); к аналогичному выводу для древне-русского памятника пришел Шляков; он полагает, что «Поучение» написано «под сильным влиянием богослужения первой недели поста; не без влияния и тех «книг княжих», из которых избирал составитель Святославова Изборника 1076 г., а может быть и самого сборника. Идею же написать поучение дали особенно паремии из Притчей Соломона и бывшие в обычае послания духовенства к князьям по поводу поста».¹ И существование этого общего для англо-саксонского и древне-русского произведений источника не только не колеблет, но лишний раз подтверждает мои предположения: если из «Притч» Соломоновых, в двух отдельных случаях, на разных концах средневекового мира могли получиться два произведения, сходные по форме и может быть по своему назначению, это значит, что между ними могли быть и устные посредники, возбудившие мысль к созданию сходных произведений. Устраняется ли этим соображением возможная зависимость «Поучения» Мономаха от византийских и славянских источников? Нисколько. Нет никакого сомнения, что Мономах был достаточно начитан в византийской и славянской литературе: в «Поучении» его открыты несомненные (в других случаях — предполагаемые) следы Пролога, Шестоднева, Беседы Василия Великого, слова Григория Богослова, слова Афанасия Синаита, учительного Евангелия епископа болгарского Константина и т. д. Эти данные обязывают. Не следует ли, однако, прибавить к ним указание на возможность его знакомства с англо-саксонским памятником, пусть даже в устном пересказе?

Дело идет, наконец, не столько о заимствовании, сколько об аналогии, которая, как бы мы к ней ни отнеслись, во всяком случае подчеркнет культурную близость столь казалось бы далеких друг от друга земель, как Англия и Русь в XI в. Расчистить первые тропинки для дальнейшего сравнительного изучения этих стран в культурно-историческом и литературном отношениях и является прежде всего целью настоящей работы.

---

¹ Н. В. Шляков. О Поучении Владимира Мономаха, стр. 110; ранее, говоря о поучениях Святославова Изборника, Шляков замечает: «эти послания несомненно были известны Мономаху и должны были отразиться в его „Поучении“... но толчок к появлению как их самих, так и „Поучения“ Мономаха дала несомненно „Книга Притчей Соломоновых“» (стр. 90—91).